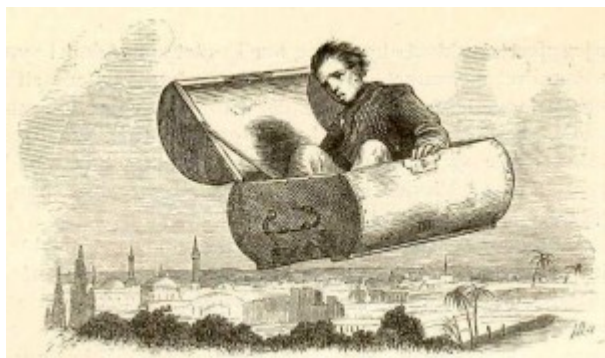

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Сундук-самолёт

Жил был купец, такой богач, что мог бы вымостить серебряными деньгами целую улицу, да еще переулок в придачу; этого, однако, он не делал, – он знал, куда девать деньги, и уж если расходовал скиллинг, то наживал целый далер. Так вот какой был купец! Но вдруг он умер, и все денежки достались сыну.

Весело зажил сын купца: каждую ночь – в маскараде, змеев пускал из кредитных бумажек, а круги по воде – вместо камешков золотыми монетами. Не мудрено, что денежки прошли у него между пальцев, и под конец из всего наследства осталось только четыре скиллинга, и из платья – старый халат да пара туфель-шлепанцев. Друзья и знать его больше не хотели – им ведь тоже неловко было теперь показаться с ним на улице; но один из них, человек добрый, прислал ему старый сундук с советом: укладываться! Отлично; одно горе – нечего ему было укладывать; он взял да уселся в сундук сам!

А сундук-то был не простой. Стоило нажать на замок – и сундук взвивался в воздух. Купеческий сын так и сделал. Фьють! – сундук вылетел с ним в трубу и понесся высоко-высоко, под самыми облаками, – только дно потрескивало! Купеческий сын поэтому крепко побаивался, что вот-вот сундук разлетится вдребезги; славный прыжок пришлось бы тогда совершить ему! Боже упаси! Но вот он прилетел в Турцию, зарыл свой сундук в лесу в кучу сухих листьев, а сам отправился в город, – тут ему

нечего было стесняться своего наряда: в Турции все ведь ходят в халатах и туфлях. На улице встретила ему кормилица с ребенком, и он сказал ей:

– Послушай-ка, турецкая мамка! Что это за большой дворец тут, у самого города, еще окна так высоко от земли?

– Тут живет принцесса! – сказала кормилица. – Ей предсказано, что она будет несчастна по милости своего жениха, вот к ней и не смеет являться никто иначе, как в присутствии самих короля с королевой.

– Спасибо! – сказал купеческий сын, пошел обратно в лес, уселся в свой сундук, прилетел прямо на крышу дворца и влез к принцессе в окно.

Принцесса спала на диване и была так хороша собою, что он не мог не поцеловать ее. Она проснулась и очень испугалась, но купеческий сын сказал, что он турецкий бог, прилетевший к ней по воздуху, и ей это очень понравилось.

Они уселись рядышком, и он стал рассказывать ей сказки: о ее глазах, это были два чудных темных озера, в которых плавали русалочки-мысли; о ее белом лбе: это была снежная гора, скрывавшая в себе чудные покои и картины; наконец, об аистах, которые приносят людям крошечных миленьких деток.

Да, чудесные были сказки! А потом он посватался за принцессу, и она согласилась.

– Но вы должны прийти сюда в субботу! – сказала она ему. – Ко мне придут на чашку чая король с королевой. Они будут очень польщены тем, что я выхожу замуж за турецкого бога, но вы уж постарайтесь рассказать им сказку получше – мои родители очень любят сказки. Только мамаша любит слушать что-нибудь поучительное и серьезное, а папаша – веселое, чтобы можно было посмеяться.

– Я и не принесу никакого свадебного подарка, кроме сказки! –

сказал купеческий сын.

Принцесса же подарила ему на прощанье саблю, всю выложенную червонцами, а их-то ему не доставало. С тем они и расстались.

Сейчас же полетел он, купил себе новый халат, а затем уселся в лесу сочинять сказку; надо ведь было сочинить ее к субботе, а это не так-то просто, как кажется.

Но вот сказка была готова, и настала суббота.

Король, королева и весь двор собрались к принцессе на чашку чая. Купеческого сына приняли как нельзя лучше.

– Ну-ка, расскажите нам сказку! – сказала королева. – Только что-нибудь серьезное, поучительное.

– Ну чтобы и посмеяться можно было! – прибавил король.

– Хорошо! – отвечал купеческий сын и стал рассказывать.

Слушайте же хорошенько!

– Жила-была пачка серных спичек, очень гордых своим высоким происхождением: глава их семьи, то есть сосна, была одним из крупных и старейших деревьев в лесу. Теперь спички лежали на полке между огнивом и старым железным котелком и рассказывали соседям о своем детстве.

– Да, хорошо нам жилось, когда мы были молоды – зелены (мы ведь тогда и в самом деле были зеленые!), – говорили они. – Каждое утро и каждый вечер у нас был бриллиантовый чай – роса, день-деньской светило на нас в ясную погоду солнышко, а птички должны были рассказывать нам свои сказки! Мы отлично понимали, что принадлежим к богатой семье: лиственные деревья были одеты только летом, а у нас хватало средств и на зимнюю и на летнюю одежду. Но вот явились раз дровосеки, и начались великие перемены! Погибла и вся наша семья! Глава семьи – ствол получил после того место грот-мачты на великолепном корабле, который мог бы объехать кругом всего света, если б только

захотел; ветви уже разбрелись кто – куда, а нам вот выпало на долю служить светочами для черни. Вот ради чего очутились на кухне такие важные господа, как мы!

– Ну, со мной все было по-другому! – сказал котелок, рядом с которым лежали спички. – С самого появления на свет меня беспрестанно чистят, скребут и ставят на огонь. Я забочусь вообще о существенном и, говоря по правде, занимаю здесь в доме первое место. Единственное мое баловство – это вот лежать после обеда чистеньким на полке и вести приятную беседу с товарищами. Все мы вообще большие домоседы, если не считать ведра, которое бывает иногда во дворе; новости же нам приносит корзинка для провизии; она часто ходит на рынок, но у нее уж чересчур резкий язык. Послушать только, как она рассуждает о правительстве и о народе! На днях, слушая ее, свалился от страха с полки и разбился в черепки старый горшок! Да, немножко легкомысленна она – скажу я вам!

– Уж больно ты разболтался! – сказало вдруг огниво, и сталь так ударило по кремню, что посыпались искры. – Не устроить ли нам лучше вечеринку?

– Конечно, конечно. Побеседуем о том, кто из нас всех важнее!
– сказали спички.

– Нет, я не люблю говорить о самой себе, – сказала глиняная миска. – Будем просто вести беседу! Я начну и расскажу кое-что из жизни, что будет знакомо и понятно всем и каждому, а это ведь приятнее всего. Так вот: на берегу родного моря, под тенью датских буков...

– Чудесное начало! – сказали тарелки. – Вот это будет история как раз по нашему вкусу!

– Там в одной мирной семье провела я свою молодость. Вся мебель была полированная, пол чисто вымыт, а занавески на окнах сменялись каждые две недели.

– Как вы интересно рассказываете! – сказала метелка. – В вашем

рассказе так и слышна женщина, чувствуется какая-то особенная чистоплотность!

– Да, да! – сказало ведро и от удовольствия даже подпрыгнуло, плеснув на пол воду.

Глиняная миска продолжала свой рассказ, и конец был на хуже начала. Тарелки загремели от восторга, а метелка достала из ящика с песком

зелень петрушки и увенчала ею миску; она знала, что это раздосадует всех остальных, да к тому же подумала: «Если я увенчаю ее сегодня, она увенчает меня завтра!»

– Теперь мы попляшем! – сказали угольные щипцы и пустились в пляс. И боже мой, как они вскидывали то одну, то другую ногу! Старая обивка на стуле, что стоял в углу, не выдержала такого зрелища и лопнула!

– А нас увенчают? – спросили щипцы, и их тоже увенчали.

«Все это одна чернь!» – думали спички.

Теперь была очередь за самоваром: он должен был спеть. Но самовар отговорился тем, что может петь лишь тогда, когда внутри у него кипит, – он просто важничал и не хотел петь иначе, как стоя на столе у господ.

На окне лежало старое гусиное перо, которым обыкновенно писала служанка; в нем не было ничего замечательного, кроме разве того, что оно слишком глубоко было обмокнуто в чернильницу, но именно этим оно и гордилось!

– Что ж, если самовар не хочет петь, так и не надо! – сказало оно. – За окном весит в клетке соловей – пусть он споет! Положим, он не из ученых, но об этом мы сегодня говорить не будем.

– По-моему, это в высшей степени неприлично – слушать какую-то пришлую птицу! – сказал большой медный чайник, кухонный певец

и сводный брат самовара. – Разве это патриотично? Пусть рассудит корзинка для провизии!

– Я просто из себя выхожу! – сказала корзинка. – Вы не поверите, да чего я выхожу из себя! Разве так следует проводить вечера? Неужели нельзя поставить дом на надлежащую ногу? Каждый бы тогда знал свое место, и я руководила бы всеми! Тогда дело пошло совсем иначе!

– Давайте шуметь! – закричали все.

Вдруг дверь отворилась, вошла служанка, и – все присмирели, никто ни гу-гу; но не было ни единого горшка, который не мечтал про себя о своей знатности и о том, что он мог бы сделать. «Уж если бы взялся за дело я, пошло бы веселье!» – думал про себя каждый.

Служанка взяла спички и зажгла ими свечку. Боже ты мой, как они зафыркали, загораясь!

«Вот теперь все видят, что мы здесь первые персоны! – думали они. – Какой от нас блеск, сколько света!»

Тут они и сгорели.

– Чудесная сказка! – сказала королева. – Я точно сама посидела в кухне вместе со спичками! Да, ты достоин руки нашей дочери.

– Конечно! – сказал король. – Свадьба будет в понедельник!

Теперь они уже говорили ему ты – он ведь скоро должен был сделаться членом их семьи.

И так, день свадьбы был объявлен, и вечером в городе устроили иллюминацию, а в народ бросали пышки и крендели. Уличные мальчишки поднимались на цыпочки, чтобы поймать их, кричали «ура» и свистели в пальцы; великолепие было несказанное.

«Надо же и мне устроить что-нибудь!» – подумал купеческий сын; он накупил ракет, хлопушек и прочего, положив все это в свой

сундук, и взвился в воздух.

Пиф, паф! Шш-пшш! Вот так трескотня пошла, вот так шипение!

Турки подпрыгивали так, что туфли летели через головы; никогда еще не видывали они такого фейерверка. Теперь-то все поняли, что на принцессе женится сам турецкий бог.

Вернувшись в лес, купеческий сын подумал: «Надо пойти в город послушать, что там говорят обо мне!» И не мудрено, что ему захотелось узнать это.

Ну и рассказов же ходило по городу! К кому он не обращался, всякий, оказывается, рассказывал о виденном по-своему, но все в один голос говорили, что это было дивное зрелище.

– Я видел самого турецкого бога! – говорил один. – Глаза у него были, что твои звезды, а борода что пена морская!

– Он летел в огненном плаще! – рассказывал другой. – А из складок выглядывали прелестнейшие ангелочки.

Да, много чудес рассказали ему, а на другой день должна была состояться и свадьба.

Пошел он назад в лес, чтобы опять сесть в свой сундук, да куда же он девался? Сгорел! Купеческий сын заронил в него искру от фейерверка, сундук тлел, тлел, да и вспыхнул; теперь от него оставалась одна зола. Так и не удалось купеческому сыну опять прилететь к своей невесте.

А она весь день стояла на крыше, дожидаясь его, да ждет и до сих пор! Он же ходит по белу свету и рассказывает сказки, только уж не такие веселые, как была его первая сказка о серных спичках.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Райский сад

Жил-был принц; ни у кого не было столько хороших книг, как у него; он мог прочесть в них обо всем на свете, обо всех странах и народах, и все было изображено в них на чудесных картинках. Об одном только не было сказано ни слова: о том, где находится Райский сад, а вот это-то как раз больше всего и интересовало принца.

Когда он был еще ребенком и только что принимался за азбуку, бабушка рассказывала ему, что каждый цветок в Райском саду – сладкое пирожное, а тычинки налиты тончайшим вином; в одних цветах лежит история, в других – география или таблица умножения; стоило съесть такой цветок-пирожное – и урок выучивался сам собой. Чем больше, значит, кто-нибудь ел пирожных, тем больше узнавал из истории, географии и арифметики!

В то время принц еще верил всем таким рассказам, но по мере того как подрастал, учился и делался умнее, стал понимать, что в Райском саду должны быть совсем другие прелести.

– Ах, зачем Ева послушалась змия! Зачем Адам вкусил запретного

плода! Будь на их месте я, никогда бы этого не случилось, никогда бы грех не проник в мир!

Так говорил он не раз и повторял то же самое теперь, когда ему было уже семнадцать лет; Райский сад заполнял все его мысли.

Раз пошел он в лес один-одинешенек, – он очень любил гулять один. Дело было к вечеру; набежали облака, и полил такой дождь, точно небо было одною сплошною плотиною, которую вдруг прорвало и из которой зараз хлынула вся вода; настала такая тьма, какая бывает разве только ночью на дне самого глубокого колодца. Принц то скользил по мокрой траве, то спотыкался о голые камни, торчавшие из скалистой почвы; вода лила с него ручьями; на нем не оставалось сухой нитки. То и дело приходилось ему перебираться через огромные глыбы, обросшие мхом, из которого сочилась вода. Он уже чуть не падал от усталости, как вдруг услышал какой-то странный свист и увидел перед собой большую освещенную пещеру. Посреди пещеры был разведен огонь, над которым можно было изжарить целого оленя, да так оно и было: на вертеле, укрепленном между двумя срубленными соснами, жарился огромный олень с большими ветвистыми рогами. У костра сидела пожилая женщина, такая крепкая и высокая, словно это был переодетый мужчина, и подбрасывала в огонь одно полено за другим.

– Войди, – сказала она. – Сядь у огня и обсушись.

– Здесь ужасный сквозняк, – сказал принц, подсев к костру.

– Ужо, как вернутся мои сыновья, еще хуже будет! – отвечала женщина, – Ты ведь в пещере ветров; мои четверо сыновей – ветры. Понимаешь?

– А где твои сыновья?

– На глупые вопросы не легко отвечать! – сказала женщина. – Мои сыновья не на помочах ходят! Играют, верно, в лапту облаками, там, в большой зале!

И она указала пальцем на небо.

– Вот как! – сказал принц. – Вы выражаетесь несколько резко, не так, как женщины нашего круга, к которым я привык.

– Да тем, верно, и делать-то больше нечего! А мне приходится быть резкой и суровой, если хочу держать в повиновении моих сыновей! А я держу их в руках, даром что они у меня упрямые головы! Видишь вон те четыре мешка, что висят на стене? Сыновья мои боятся их так же, как ты, бывало, боялся пучка розог, заткнутого за зеркало! Я гну их в три погибели и сажаю в мешок без всяких церемоний! Они и сидят там, пока я не смилуюсь! Но вот один уж пожаловал!

Это был Северный ветер. Он внес с собой в пещеру ледящий холод, поднялась метель, и по земле запрыгал град. Одет он был в медвежьи штаны и куртку; на уши спускалась шапка из тюленьей шкуры; на бороде висели ледяные сосульки, а с воротника куртки скатывались градины.

– Не подходите сразу к огню! – сказал принц. – Вы отморозите себе лицо и руки!

– Отморожу! – сказал Северный ветер и громко захохотал. – Отморожу! Да лучше мороза, по мне, нет ничего на свете! А ты что за кислятина? Как ты попал в пещеру ветров?

– Он мой гость! – сказала старуха, – А если тебе этого объяснения мало, можешь отправляться в мешок! Понимаешь?

Угроза подействовала, и Северный ветер рассказал, откуда он явился и где пробыл почти целый месяц.

– Я прямо с Ледовитого океана! – сказал он. – Был на Медвежьем острове, охотился на моржей с русскими промышленниками. Я сидел и спал на руле, когда они отплывали с Нордкапа; просыпаясь время от времени, я видел, как под ногами у меня шныряли буревестники. Презабавная птица! Ударит раз крыльями, а потом распластает их, да так и держится на них в воздухе

долго-долго!..

– Нельзя ли покороче! – сказала мать. – Ты, значит, был на Медвеьем острове, что же дальше?

– Да, был. Там чудесно! Вот так пол для пляски! Ровный, гладкий, как тарелка! Повсюду рыхлый снег пополам со мхом, острые камни да остовы моржей и белых медведей, покрытые зеленой плесенью, – ну, словно кости великанов! Солнце, право, туда никогда, кажется, и не заглядывало. Я слегка подул и разогнал туман, чтобы рассмотреть какой-то сарай; оказалось, что это было жильё, построенное из корабельных обломков и покрытое моржовыми шкурами, вывернутыми наизнанку; на крыше сидел белый медведь и ворчал. Потом я пошел на берег, видел там птичьи гнезда, а в них голых птенцов; они пищали и разевали рты; я взял да и дунул в эти бесчисленные глотки – небось живо отучились смотреть разинув рот! У самого моря играли, будто живые кишки или исполинские черви со свиными головами и аршинными клыками, моржи!

– Славно рассказываешь, сынок! – сказала мать. – Просто слюнки текут, как слушаешь!

– Ну, а потом началась ловля! Как всадят гарпун моржу в грудь, так кровь и брызнет фонтаном на лед? Тогда и я задумал себя потешить, завел свою музыку и велел моим кораблям – ледяным горам – сдавить лодки промышленников. У! Вот пошел свист и крик, да меня не пересвистишь! Пришлось им выбрасывать убитых моржей, ящики и снасти на льдины? А я вытряхнул на них целый ворох снежных хлопьев и погнал их стиснутые льдами суда к югу – пусть похлебают солененькой водицы! Не вернуться им на Медвежий остров!

– Так ты порядком набедокурил! – сказала мать.

– О добрых делах моих пусть расскажут другие! – сказал он. – А вот и брат мой с запада! Его я люблю больше всех: он пахнет морем и дышит благодатным холодком.

– Так это маленький зефир? – спросил принц.

– Зефир-то зефир, только не из маленьких! – сказала старуха. – В старину и он был красивым мальчуганом, ну, а теперь не то!

Западный ветер выглядел дикарем; на нем была мягкая, толстая, предохраняющая голову от ударов и ушибов шапка, а в руках палица из красного дерева, срубленного в американских лесах, на другую он бы не согласился.

– Где был? – спросила его мать.

– В девственных лесах, где между деревьями повисли целые изгороди из колючих лиан, а во влажной траве лежат огромные ядовитые змеи и где, кажется, нет никакой надобности в человеке! – отвечал он.

– Что ж ты там делал?

– Смотрел, как низвергается со скалы большая, глубокая река, как поднимается от нее к облакам водяная пыль, служащая опорой радуге. Смотрел, как переплывал реку дикий буйвол; течение увлекало его с собой, и он плыл вниз по реке вместе со стаей диких уток, но те вспорхнули перед самым водопадом, а буйволу пришлось полететь головой вниз; это мне понравилось, и я учинил такую бурю, что вековые деревья поплыли по воде и превратились в щепки.

– И это все? – спросила старуха.

– Еще я кувыркался в саваннах, гладил диких лошадей и рвал кокосовые орехи! О, у меня много о чем найдется порассказать, но не все же говорить, что знаешь. Так-то, старая!

И он так поцеловал мать, что та чуть не опрокинулась навзничь; такой уж он был необузданный парень.

Затем явился Южный ветер в чалме и развевающимся плаще бедуинов.

- Экая у вас тут стужа! – сказал он и подбросил в костер дров.
- Видно, что Северный первым успел пожаловать!
- Здесь такая жарница, что можно изжарить белого медведя! – возразил тот.
- Сам-то ты белый медведь! – сказал Южный.
- Что, в мешок захотели? – спросила старуха. – Садись-ка вот тут на камень да рассказывай, откуда ты.
- Из Африки, матушка, из земли кафров! – отвечал Южный ветер, – Охотился на львов с готтентотами! Какая трава растет там на равнинах! Чудесного оливкового цвета! Сколько там антилоп и страусов! Антилопы плясали, а страусы бегали со мной наперегонки, да я побыстрее их на ногу! Я дошел и до желтых песков пустыни – она похожа на морское дно. Там настиг я караван. Люди зарезали последнего своего верблюда, чтобы из его желудка добыть воды для питья, да немногим пришлось им поживиться! Солнце пекло их сверху, а песок поджаривал снизу. Конца не было безграничной пустыне! А я принялся валяться по мелкому, мягкому песку и крутить его огромными столбами; вот так пляска пошла! Посмотрела бы ты, как столпились в кучу дромадеры, а купец накинул на голову капюшон и упал передо мною ниц, точно перед своим аллахом. Теперь все они погребены под высокой пирамидой из песка. Если мне когда-нибудь вздумается смести ее прочь, солнце выбелит их кости, и другие путники по крайней мере увидят, что тут бывали люди, а то трудно и поверить этому, глядя на голую пустыню!
- Ты, значит, только и делал одно зло! – сказала мать, – Марш в мешок!

И не успел Южный ветер опомниться, как мать схватила его за пояс и упрятала в мешок; он было принялся кататься в мешке по полу, но она уселась на него, и ему пришлось лежать смирно.

- Бойкие же у тебя сыновья! – сказал принц.

– Ничего себе! – отвечала она. – Да я умею управляться с ними! А вот и четвертый!

Это был Восточный ветер, одетый китайцем.

– А, ты оттуда! – сказала мать, – Я думала, что ты был в Райском саду.

– Туда я полечу завтра! – сказал Восточный ветер. – Завтра будет ведь ровно сто лет, как я не был там! Теперь же я прямо из Китая, плясал на фарфоровой башне, так что все колокольчики звенели! Внизу, на улице, наказывали чиновников; бамбуковые трости так и гуляли у них по плечам, а это все были мандарины от первой до девятой степени! Они кричали: «Великое спасибо тебе, отец и благодетель!» – про себя же думали совсем другое. А я в это время звонил в колокольчики и припевал: «Тзинг, тзанг, тзу!»

– Шалун! – сказала старуха. – Я рада, что ты завтра отправляешься в Райский сад, это путешествие всегда приносит тебе большую пользу. Напейся там из источника Мудрости, да зачерпни из него полную бутылку водицы и для меня!

– Хорошо, – сказал Восточный ветер. – Но за что ты посадила в мешок брата Южного? Выпусти его! Он мне расскажет про птицу Феникс, о которой все спрашивает принцесса Райского сада. Развяжи мешок, милая, дорогая мамаша, а я подарю тебе целых два кармана, зеленого свежего чаю, только что с куста!

– Ну, разве за чай, да еще за то, что ты мой любимчик, так и быть, развяжу его!

И она развязала мешок; Южный ветер вылез оттуда с видом мокрой курицы: еще бы, чужой принц видел, как его наказали.

– Вот тебе для твоей принцессы пальмовый лист! – сказал он Восточному. – Я получил его от старой птицы Феникс, единственной в мире; она начертила на нем клювом историю своей столетней земной жизни. Теперь принцесса может прочесть обо

всем, что ей захотелось бы знать. Птица Феникс на моих глазах сама подожгла свое гнездо и была охвачена пламенем, как индийская вдова! Как затрещали сухие ветки, какие: пошли от них дым и благоухание! Наконец пламя пожрало все, и старая птица Феникс превратилась в пепел, но снесенное ею яйцо, горевшее в пламени, как жар, вдруг лопнуло с сильным треском, и оттуда вылетел молодой Феникс. Он проклюнул на этом пальмовом листе дырочку: это его поклон принцессе!

– Ну, теперь пора нам подкрепиться немножко! – сказала мать ветров.

Все уселись и принялись за оленя. Принц сидел рядом с Восточным ветром, и они скоро стали, друзьями.

– Скажи-ка ты мне, – спросил принц у соседа, – что это за принцесса, про которую вы столько говорили, и где находится Райский сад?

– Ого! – сказал Восточный ветер. – Коли хочешь побывать там, полетим завтра вместе! Но я должен тебе сказать, что со времен Адама и Евы там не бывало ни единой человеческой души! А что было с ними, ты, наверное, уж знаешь?

– Знаю! – сказал принц.

– После того как они были изгнаны, – продолжал Восточный, – Райский сад ушел в землю, но в нем царит прежнее великолепие, по-прежнему светит солнце и в воздухе разлиты необыкновенные свежесть и аромат! Теперь в нем обитает королева фей. Там же находится чудно-прекрасный остров Блаженства, куда никогда не заглядывает Смерть! Сядешь мне завтра на спину, и я снесу тебя туда. Я думаю, что это удастся. А теперь не болтай больше, я хочу спать!

И все заснули.

На заре принц проснулся, и ему сразу стало жутко: оказалось, что он уже летит высоко-высоко под облаками! Он сидел на спине

у Восточного ветра, и тот добросовестно держал его, но принцу все-таки было боязно: они неслись так высоко над землей, что леса, поля, реки и моря казались нарисованными на огромной раскрашенной карте.

– Здравствуй, – сказал принцу Восточный ветер. – Ты мог бы еще поспать, смотреть-то пока не на что. Разве церкви вздумаешь считать! Видишь, сколько их? Стоят, точно меловые точки на зеленой доске!

Зеленою доской он называл поля и луга.

– Как это вышло невежливо, что я не простился с твоею матерью и твоими братьями! – сказал принц.

– Сонному приходится извинить! – сказал Восточный ветер, а они полетели еще быстрее; это было заметно по тому, как шумели под ними верхушки лесных деревьев, как вздымались морские волны и как глубоко ныряли в них грудью, точно лебеди, корабли.

Под вечер, когда стемнело, было очень забавно смотреть на большие города, в которых то там, то сям вспыхивали огоньки, – казалось, это перебегают по зажженной бумаге мелкие искорки, словно дети бегут домой из школы. И принц, глядя на это зрелище, захлопал в ладошки, но Восточный ветер попросил его вести себя потише да держаться покрепче – не мудрено ведь было и свалиться да повиснуть на каком-нибудь башенном шпиле.

Быстро и легко неся на своих могучих крыльях дикий орел, но Восточный ветер неся еще легче, еще быстрее; по равнине вихрем мчался казак на своей маленькой лошадке, да куда ему было угнаться за принцем!

– Ну, вот тебе и Гималаи! – сказал Восточный ветер, – Это высочайшая горная цепь в Азии, скоро мы доберемся и до Райского сада!

Они свернули к югу, и вот в воздухе разлились сильный пряный аромат и благоухание цветов. Финики, гранаты и виноград с

синими и красными ягодами росли здесь. Восточный ветер спустился с принцем на землю, и оба улеглись отдохнуть в мягкую траву, где росло множество цветов, кивавших им головками, как бы говоря: «Милости просим!»

– Мы уже в Райском саду? – спросил принц.

– Ну что ты! – отвечал Восточный ветер, – Но скоро попадем и туда! Видишь эту отвесную, как стена, скалу и в ней большую пещеру, над входом которой спускаются, будто зеленый занавес, виноградные лозы? Мы должны пройти через эту пещеру! Завернись хорошенько в плащ: тут палит солнце, но один шаг – и нас охватит мороз. У птицы, пролетающей мимо пещеры, одно крыло чувствует летнее тепло, а другое – зимний холод!

– Так вот она, дорога в Райский сад! – сказал принц.

И они вошли в пещеру. Брр... как им стало холодно! Но, к счастью, ненадолго.

Восточный ветер распростер свои крылья, и от них разлился свет, точно от яркого пламени. Нет, что это была за пещера! Над головами путников нависали огромные, имевшие самые причудливые формы каменные глыбы, с которых капала вода. Порой проход так суживался, что им приходилось пробираться ползком, иногда же своды пещеры опять поднимались на недосягаемую высоту, и путники шли точно на вольном просторе под открытым небом. Пещера казалась какою-то гигантскою усыпальницей с немymi органными трубами и знаменами, выточенными из камня.

– Мы идем в Райский сад дорогой смерти! – сказал принц, но Восточный ветер не ответил ни слова и указал перед собою рукою: навстречу им струился чудный голубой свет; каменные глыбы мало-помалу стали редеть, таять и превращаться в какой-то туман. Туман становился все более и более прозрачным, пока наконец не стал походить на пушистое белое облачко, сквозь которое просвечивает месяц. Тут они вышли на вольный воздух – чудный, мягкий воздух, свежий, как на горной вершине, и благоуханный, как в долине роз.

Тут же струилась река; вода в ней спорила прозрачностью с самим воздухом. А в реке плавали золотые и серебряные рыбки, и пурпурово-красные угри сверкали при каждом движении голубыми искрами; огромные листья кувшинок пестрели всеми цветами радуги, а чашечки их горели желто-красным пламенем, поддерживаемым чистой водой, как пламя лампы поддерживается маслом. Через реку был переброшен мраморный мост такой тонкой и искусной работы, что, казалось, был сделан из кружев и бус; мост вел на остров Блаженства, на котором находился сам Райский сад.

Восточный ветер взял принца на руки и перенес его через мост. Цветы и листья пели чудесные песни, которые принц слышал еще в детстве, но теперь они звучали такую дивную музыкой, какой не может передать человеческий голос.

А это что? Пальмы или гигантские папоротники? Таких сочных, могучих деревьев принц никогда еще не видывал. Диковинные ползучие растения обвивали их, спускались вниз, переплетались и образовывали самые причудливые, отливавшие по краям золотом и яркими красками гирлянды; такие гирлянды можно встретить разве только в заставках и начальных буквах старинных книг. Тут были и яркие цветы, и птицы, и самые затейливые завитушки. В траве сидела, блестя распушенными хвостами, целая стая павлинов.

Да павлинов ли? Конечно павлинов! То-то что нет: принц потрогал их, и оказалось, что это вовсе не птицы, а растения, огромные кусты репейника, блестящего самыми яркими красками! Между зелеными благоухающими кустами прыгали, точно гибкие кошки, львы, тигры; кусты пахли оливками, а звери были совсем ручные; дикая лесная голубка, с жемчужным отливом на перьях, хлопала льва крылышками по гриве, а антилопа, вообще такая робкая и пугливая, стояла возле них и кивала головой, словно давая знать, что и она не прочь поиграть с ними.

Но вот появилась сама фея; одежды ее сверкали, как солнце, а лицо сияло такою лаской и приветливою улыбкой, как лицо

матери, радующейся на своего ребенка. Она была молода и чудо как хороша собой; ее окружали красавицы девушки с блестящими звездами в волосах.

Восточный ветер подал ей послание птицы Феникс, и глаза феи заблистали от радости. Она взяла принца за руку и повела его в свой замок; стены замка были похожи на лепестки тюльпана, если их держать против солнца, а потолок был блестящим цветком, опрокинутым вниз чашечкой, углублявшейся тем больше, чем дальше в него всматривались. Принц подошел к одному из окон, поглядел в стекло, и ему показалось, что он видит дерево познания добра и зла; в ветвях его пряталась змея, а возле стояли Адам и Ева.

– Разве они не изгнаны? – спросил принц.

Фея улыбнулась и объяснила ему, что на каждом стекле время начертало неизгладимую картину, озаренную жизнью: листья дерева шевелились, а люди двигались, – ну вот как бывает с отражениями в зеркале! Принц подошел к другому окну и увидел на стекле сон Иакова: с неба спускалась лестница, а по ней сходили и восходили ангелы с большими крыльями за плечами. Да, все, что было или совершилось когда-то на свете, по-прежнему жило и двигалось на оконных стеклах замка; такие чудесные картины могло начертать своим неизгладимым резцом лишь время.

Фея, улыбаясь, ввела принца в огромный, высокий покой, со стенами из прозрачных картин, – из них повсюду выглядывали головки, одна прелестнее другой. Это были сонмы блаженных духов; они улыбались и пели; голоса их сливались в одну дивную гармонию; самые верхние из них были меньше бутонов розы, если их нарисовать на бумаге в виде крошечных точек. Посреди этого покоя стояло могучее дерево, покрытое зеленью, в которой сверкали большие и маленькие золотистые, как апельсины, яблоки. То было дерево познания добра и зла, плодов которого вкусили когда-то Адам и Ева. С каждого листика капала блестящая красная роса, – дерево точно плакало кровавыми слезами.

– Сядем теперь в лодку! – сказала фея. – Нас ждет там такое угощение, что чудо! Представь, лодка только покачивается на волнах, но не двигается, а все страны света сами проходят мимо!

И в самом деле, это было поразительное зрелище; лодка стояла, а берега двигались! Вот показались высокие снежные Альпы с облаками и темными сосновыми лесами на вершинах, протяжно-жалобно прозвучал рог, и раздалась, звучная песня горного пастуха. Вот над лодкой свесились, длинные гибкие листья бананов; поплыли стаи черных как смоль лебедей; показались удивительнейшие животные и цветы, а вдали поднялись голубые горы; это была Новая Голландия, пятая часть света. Вот слышалось пение жрецов, и под звуки барабанов и костяных флейт закружились в бешеной пляске толпы дикарей. Мимо проплыли вздымавшиеся к облакам египетские пирамиды, низверженные колонны и сфинксы, наполовину погребенные в песке. Вот осветились северным сиянием потухшие вулканы севера. Да, кто бы мог устроить подобный фейерверк? Принц был вне себя от восторга: еще бы, он-то видел ведь во сто раз больше, чем мы тут рассказываем.

– И я могу здесь остаться навсегда? – спросил он.

– Это зависит от тебя самого! – отвечала фея. – Если ты не станешь добиваться запрещенного, как твой прародитель Адам, то можешь остаться здесь навеки!

– Я не дотронусь до плодов познания добра и зла! – сказал принц. – Тут ведь тысячи других прекрасных плодов!

– Испытай себя, и если борьба покажется тебе слишком тяжелой, улетай обратно с Восточным ветром, который вернется сюда опять через сто лет! Сто лет пролетят для тебя, как сто часов, но это довольно долгий срок, если дело идет о борьбе с греховным соблазном. Каждый вечер, расставаясь с тобой, – буду я звать тебя: «Ко мне, ко мне!» Стану манить тебя рукой, но ты не трогайся с места, не иди на мой зов; с каждым шагом тоска

желания будет в тебе усиливаться и наконец увлечет тебя в тот покой, где стоит дерево познания добра и зла. Я буду спать под его благоухающими пышными ветвями, и ты наклонишься, чтобы рассмотреть меня поближе; я улыбнусь тебе, и ты поцелуешь меня... Тогда Райский сад уйдет в землю еще глубже и будет для тебя потерян. Резкий ветер будет пронизывать тебя до костей, холодный дождь – мочить твою голову; горе и бедствия будут твоим уделом!

– Я остаюсь! – сказал принц.

Восточный ветер поцеловал принца в лоб и сказал:

– Будь тверд, и мы свидимся опять через сто лет! Прощай, прощай!

И Восточный ветер взмахнул своими большими крылами, блеснувшими, как зарница во тьме осенней ночи или как северное сияние во мраке полярной зимы.

– Прощай! Прощай! – запели все цветы и деревья. Стаи аистов и пеликанов полетели, точно развевающиеся ленты, проводить Восточного ветра до границ сада.

– Теперь начнутся танцы! – сказала фея. – Но на закате солнца, танцуя с тобой, я начну манить тебя рукой и звать: «Ко мне! Ко мне!» Не слушай же меня! В продолжение ста лет каждый вечер будет повторяться то же самое, но ты с каждым днем будешь становиться все сильнее и сильнее и под конец перестанешь даже обращать на мой зов внимание. Сегодня вечером тебе предстоит выдержать первое испытание! Теперь ты предупрежден!

И фея повела его в обширный покой из белых прозрачных лилий с маленькими, игравшими сами собою, золотыми арфами вместо тычинок. Прелестные стройные девушки в прозрачных одеждах понеслись в воздушной пляске и запели о радостях и блаженстве бессмертной жизни в вечно цветущем Райском саду.

Но вот солнце село, небо засияло, как расплавленное золото, и

на лилии упал розовый отблеск. Принц выпил пенистого вина, поднесенного ему девушками, и почувствовал прилив несказанного блаженства. Вдруг задняя стена покоя раскрылась, и принц увидел дерево познания добра и зла, окруженное ослепительным сиянием, из-за дерева неслась тихая, ласкающая слух песня; ему почудился голос его матери, певшей: «Дитя мое! Мое милое, дорогое дитя!»

И фея стала манить его рукой и звать нежным голосом: «Ко мне, ко мне!» Он двинулся за нею, забыв свое обещание в первый же вечер! А она все манила его и улыбалась... Пряный аромат, разлитый в воздухе, становился все сильнее; арфы звучали все слаще; казалось, что это пели хором сами блаженные духи: «Все нужно знать! Все надо изведать! Человек – царь природы!» Принцу показалось, что с дерева уже не капала больше кровь, а сыпались красные блестящие звездочки. «Ко мне! Ко мне!» – звучала воздушная мелодия, и с каждым шагом щеки принца разгорались, а кровь волновалась все сильнее и сильнее.

– Я должен идти! – говорил он. – В этом ведь нет и не может быть греха! Зачем убегать от красоты и наслаждения? Я только полюбуюсь, посмотрю на нее спящую! Я ведь не поцелую ее! Я достаточно тверд и сумею совладать с собой!

Сверкающий плащ упал с плеч феи; она раздвинула ветви дерева и в одно мгновение скрылась за ним.

– Я еще не нарушил обещания! – сказал принц. – И не хочу его нарушать!

С этими словами он раздвинул ветви... Фея спала такая прелестная, какую может быть только фея Райского сада. Улыбка играла на ее устах, но на длинных ресницах дрожали слезинки.

– Ты плачешь из-за меня? – прошептал он. – Не плачь, очаровательная фея! Теперь только я понял райское блаженство, оно течет огнем в моей крови, воспламеняет мысли, я чувствую неземную силу и мощь во всем своем существе!.. Пусть же настанет для меня потом вечная ночь – одна такая минута дороже

всего в мире!

И он поцеловал слезы, дрожавшие на ее ресницах, уста его прикоснулись к ее устам.

Раздался страшный удар грома, какого не слышал еще никогда никто, и все смешалось в глазах принца; фея исчезла, цветущий Райский сад ушел глубоко в землю. Принц видел, как он исчезал во тьме непроглядной ночи, и вот от него осталась только маленькая сверкающая вдали звездочка. Смертный холод сковал его члены, глаза закрылись, и он упал как мертвый.

Холодный дождь мочил ему лицо, резкий ветер леденил голову, и он очнулся.

– Что я сделал! – вздохнул он. – Я нарушил свой обет, как Адам, и вот Райский сад ушел глубоко в землю!

Он открыл глаза; вдали еще мерцала звездочка, последний след исчезнувшего рая. Это сияла на небе утренняя звезда.

Принц встал; он был опять в том же лесу, у пещеры ветров; возле него сидела мать ветров. Она сердито посмотрела на него и грозно подняла руку.

– В первый же вечер! – сказала она, – Так я и думала! Да, будь ты моим сыном, сидел бы ты теперь в мешке!

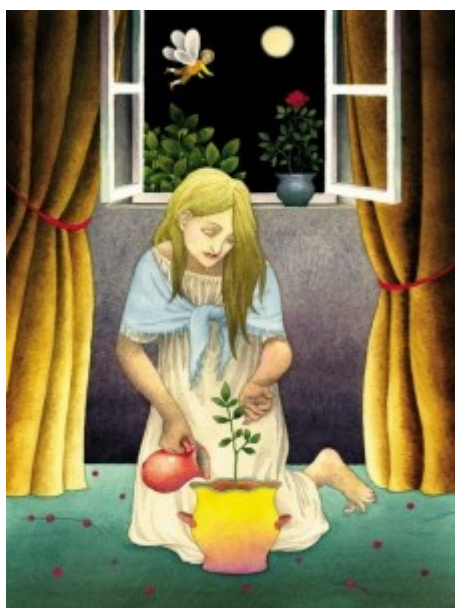
– Он еще попадет туда! – сказала Смерть, – это был крепкий старик с косою в руке и большими черными крыльями за спиной. – И он уляжется в гроб, хоть и не сейчас. Я лишь отмечу его и дам ему время постранствовать по белу свету и искупить свой грех добрыми делами! Потом я приду за ним в тот час, когда он меньше всего будет ожидать меня, упрячу его в черный гроб, поставлю себе на голову и отнесу его вон на ту звезду, где тоже цветет Райский сад; если он окажется добрым и благочестивым, он вступит туда, если же его мысли и сердце будут по-прежнему полны греха, гроб опустится с ним еще глубже, чем опустился Райский сад. Но каждую тысячу лет я буду

приходить за ним, для того чтобы он погрузился еще глубже, или остался бы навеки на сияющей небесной звезде!

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Эльф розового куста

В саду красовался розовый куст, весь усыпанный чудными розами. В одной из них, самой прекрасной меж всеми, жил эльф, такой крошечный, что человеческим глазом его и не разглядеть было. За каждым лепестком розы у него было по спальне; сам он был удивительно нежен и мил, ну точь-в-точь хорошенький ребёнок, только с большими крыльями за плечами. А какой аромат стоял в его комнатах, как красивы и прозрачны были их стены! То были ведь нежные лепестки розы.

Весь день играл эльф на солнышке, порхал с цветка на цветок, плясал на крыльях у резвых мотыльков и подсчитывал, сколько шагов пришлось бы ему сделать, чтобы обежать все дорожки и тропинки на одном липовом листе. За дорожки и тропинки он принимал жилки листа, да они и были для него бесконечными дорогами! Раз не успел он обойти и половины их, глядь—солнышко уж закатилось; он и начал-то, впрочем, не рано.

Стало холодно, пала роса, подул ветер, эльф рассудил, что пора домой, и заторопился изо всех сил, но когда добрался до своей розы, оказалось, что она уже закрылась и он не мог попасть в неё; успели закрыться и все остальные розы. Бедный крошка эльф перепугался: никогда ещё не оставался он на ночь без приюта, всегда сладко спал между розовыми лепестками, а теперь!.. Ах, верно, не миновать ему смерти!

Вдруг он вспомнил, что на другом конце сада есть беседка, вся увитая чудеснейшими каприфолиями; в одном из этих больших пёстрых цветков, похожих на рога, он и решил проспать до утра.

И вот он полетел туда. Тсс! Тут были люди: красивый молодой человек и премиленькая девушка. Они сидели рядышком и хотели бы век не расставаться— они так горячо любили друг друга, куда горячее, нежели самый добрый ребёнок любит своих маму и папу.

— Увы! Мы должны расстаться!— сказал молодой человек.— Твой брат не хочет нашего счастья и потому отсылает меня с поручением далеко-далеко за море! Прощай же, дорогая моя невеста! Ведь я всё-таки имею право назвать тебя так!

И они поцеловались. Молодая девушка заплакала и дала ему на память о себе розу, но сначала запечатлела на ней такой крепкий и горячий поцелуй, что цветок раскрылся. Эльф сейчас же влетел в него и прислонился головкой к нежным, душистым стенкам. Вот раздалось последнее «прощай», и эльф почувствовал, что роза заняла место на груди молодого человека. О, как билось его сердце! Крошка эльф просто не мог заснуть от этой стукотни.

Недолго, однако, пришлось розе покоиться на груди. Молодой человек вынул её и, проходя по большой тёмной роще, целовал цветок так часто и так крепко, что крошка эльф чуть не задохнулся. Он ощущал сквозь лепестки цветка, как горели губы молодого человека, да и сама роза раскрылась, словно под лучами полуденного солнца.

Тут появился другой человек— мрачный и злой, это был брат красивой молодой девушки. Он вытащил большой острый нож и убил молодого человека, целовавшего цветок, затем отрезал ему голову и зарыл её вместе с туловищем в рыхлую землю под липой.

«Теперь о нём не будет и помина!— подумал злой брат.— Небось не вернётся больше. Ему предстоял далёкий путь за море, а в таком пути нетрудно проститься с жизнью; ну вот так оно и случилось! Вернуться он больше не вернётся, и спрашивать о нём сестра меня не посмеет».

И он нашвырял ногами на то место, где схоронил убитого, сухих листьев и пошёл домой. Но шёл он во тьме ночной не один: с ним был крошка эльф. Эльф сидел в сухом, свернувшемся в трубочку, липовом листке, упавшем злодею на голову в то время, как тот зарывал яму. Окончив работу, убийца надел на голову шляпу; под ней было страшно темно, и крошка эльф весь дрожал от ужаса и от негодования на злодея. На заре злой человек воротился домой, снял шляпу и прошёл в спальню сестры. Молодая цветущая красавица спала и видела во сне того, кого она так любила и кто уехал теперь, как она думала, за море. Злой брат наклонился над ней и засмеялся злобным, дьявольским смехом; сухой листок выпал из его волос на одеяло сестры, но он не заметил этого и ушёл к себе соснуть до утра. Эльф выкарабкался из сухого листка, забрался в ухо молодой девушки и рассказал ей во сне об ужасном убийстве, описал место, где оно произошло, цветущую липу, под которой убийца зарыл тело, и наконец добавил: «А чтобы ты не приняла всего этого за простой сон, я оставляю на твоей постели сухой листок». И она нашла этот листок, когда проснулась.

О, как горько она плакала! Но никому не смела бедняжка доверить своего горя. Окно стояло отворённым целый день, крошка эльф легко мог выпорхнуть в сад и лететь к розам и другим цветам, но ему не хотелось оставлять бедняжку одну. На окне в цветочном горшке росла роза; он уселся в один из её цветов и глаз не сводил с убитой горем девушки. Брат её несколько раз входил в комнату и был злобно весел; она же не смела и заикнуться ему о своём горе.

Как только настала ночь, девушка потихоньку вышла из дома, отправилась в рощу прямо к липе, разбросала сухие листья, разрыла землю и нашла убитого. Ах, как она плакала и молила бога, чтобы он послал смерть и ей.

Она бы охотно унесла с собой дорогое тело, да нельзя было, и вот она взяла бледную голову с закрытыми глазами, поцеловала холодные губы и отряхнула землю с прекрасных волос.

– Оставляю же себе хоть это!– сказала она, зарыла тело и опять набросала на то место сухих листьев, а голову унесла с собой, вместе с небольшою веточкой жасмина, который цвёл в роще.

Придя домой, она отыскала самый большой цветочный горшок, положила туда голову убитого, засыпала её землёй и посадила жасминовую веточку.

– Прощай! Прощай!– прошептал крошка эльф: он не мог вынести такого печального зрелища и улетел в сад к своей розе, но она уже отцвела, и вокруг зелёного плода держалось всего два-три поблёкших лепестка.

– Ах, как скоро приходит конец – всему хорошему и прекрасному!– вздохнул эльф.

В конце концов он отыскал себе другую розу и уютно зажил между её благоухающими лепестками. Но каждое утро летал он к окну несчастной девушки и всегда находил её всю в слезах подле цветочного горшка. Горькие слёзы ручьями лились на жасминовую веточку, и по мере того как сама девушка день ото дня бледнела

и худела, веточка всё росла да зеленела, пуская один отросток за другим. Скоро появились и маленькие белые бутончики; девушка целовала их, а злой брат сердился и спрашивал, не сошла ли она с ума; иначе он ничем не мог объяснить себе эти вечные слёзы, которые она проливала над цветком. Он ведь не знал, чьи закрытые глаза, чьи розовые губы превратились в землю в этом горшке. А бедная сестра его склонила раз голову к цветку, да так и задремала; как раз в это время прилетел крошка эльф, прильнул к её уху и стал рассказывать ей о последнем её свидании с милым в беседке, о благоухании роз, о любви эльфов... Девушка спала так сладко, и среди этих чудных грёз незаметно отлетела от неё жизнь. Она умерла и соединилась на небе с тем, кого так любила.

На жасмине раскрылись белые цветы, похожие на колокольчики, и по всей комнате разлился чудный, нежный аромат— только так могли цветы оплакать усопшую.

Злой брат посмотрел на красивый цветущий куст, взял его себе в наследство после умершей сестры и поставил у себя в спальне возле самой кровати. Крошка эльф последовал за ним и стал летать от одного колокольчика к другому: в каждом жил маленький дух, и эльф рассказал им всем об убитом молодом человеке, о злом брате и о бедной сестре.

— Знаем! Знаем! Ведь мы выросли из глаз и из губ убитого!— ответили духи цветов и при этом как-то странно покачали головками.

Эльф не мог понять, как могут они оставаться такими равнодушными, полетел к пчёлам, которые собирали мёд, и тоже рассказал им о злом брате. Пчёлы пересказали это своей царице, и та решила, что всё они на следующее же утро накажут убийцу.

Но ночью— это была первая ночь после смерти сестры,— когда брат спал близ благоухающего жасминового куста, каждый колокольчик раскрылся, и оттуда вылетел невидимый, но вооружённый ядовитым копьём дух цветка. Все они подлетели к

уху спящего и стали нащёптывать ему страшные сны, потом сели на его губы и вонзили ему в язык свои ядовитые копыя.

– Теперь мы отомстили за убитого!– сказали они и опять спрятались в белые колокольчики жасмина.

Утром окно в спальне вдруг распахнулось, и влетели эльф и царица пчёл с своим роем; они явились убить злого брата.

Но он уже умер. Вокруг постели толпились люди и говорили:

– Его убил сильный запах цветов.

Тогда эльф понял, что то была месть цветов, и рассказал об этом царице пчёл, а она со всем своим роем принялась летать и жужжать вокруг благоухающего куста.

Нельзя было отогнать пчёл, и кто-то из присутствовавших хотел унести куст в другую комнату, но одна пчела ужалила его в руку, он уронил цветочный горшок, и тот разбился вдребезги.

Тут все увидали череп убитого и поняли, кто был убийца.

А царица пчёл с шумом полетела по воздуху и жужжала о мести цветов, об эльфе и о том, что даже за самым крошечным лепестком скрывается кто-то, кто может рассказать о преступлении и наказать преступника.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана

Андерсена. Дикае лебеди

Далеко-далеко, в той стране, куда улетают от нас на зиму ласточки, жил король. У него было одиннадцать сыновей и одна дочка, Элиза.

Одиннадцать братьев-принцев уже ходили в школу; на груди у каждого красовалась звезда, а сбоку гремела сабля; писали они на золотых досках алмазными грифелями и отлично умели читать, хоть по книжке, хоть наизусть – все равно. Сразу было слышно, что читают настоящие принцы! Сестрица их Элиза сидела на скамеечке из зеркального стекла и рассматривала книжку с картинками, за которую было заплачено полкоролевства.

Да, хорошо жилось детям, только недолго!

Отец их, король той страны, женился на злой королеве, которая невзлюбила бедных детей. Им пришлось испытать это в первый же день: во дворце шло веселье, и дети затеяли игру в гости, но мачеха вместо разных пирожных и печеных яблок, которых они всегда получали вдоволь, дала им чайную чашку песку и сказала, что они могут представить себе, будто это угощение.

Через неделю она отдала сестрицу Элизу на воспитание в деревню каким-то крестьянам, а прошло еще немного времени, и она успела столько наговорить королю о бедных принцах, что он больше и видеть их не хотел.

– Летите-ка подобру-поздорову на все четыре стороны! – сказала

злая королева. – Летите большими птицами без голоса и промышляйте о себе сами!

Но она не могла сделать им такого зла, как бы ей хотелось, – они превратились в одиннадцать прекрасных диких лебедей, с криком вылетели из дворцовых окон и понеслись над парками и лесами.

Было раннее утро, когда они пролетали мимо избы, где спала еще крепким сном их сестрица Элиза. Они принялись летать над крышей, вытягивали свои гибкие шеи и хлопали крыльями, но никто не слышал и не видел их; так им пришлось улететь ни с чем. Высоко-высоко взвились они к самым облакам и полетели в большой темный лес, что тянулся до самого моря.

Бедняжка Элиза стояла в крестьянской избе и играла зеленым листочком – других игрушек у нее не было; она проткнула в листе дырочку, смотрела сквозь нее на солнышко, и ей казалось, что она видит ясные глаза своих братьев; когда же теплые лучи солнца скользили по ее щеке, она вспоминала их нежные поцелуи.

Дни шли за днями, один как другой. Колыхал ли ветер розовые кусты, росшие возле дома, и шептал розам: «Есть ли кто-нибудь красивее вас?» – розы качали головками и говорили: «Элиза красивее». Сидела ли в воскресный день у дверей своего домика какая-нибудь старушка, читавшая псалтырь, а ветер переворачивал листы, говоря книге: «Есть ли кто набожнее тебя?» книга отвечала: «Элиза набожнее!» И розы и псалтырь говорили сущую правду.

Но вот Элизе минуло пятнадцать лет, и ее отправили домой. Увидав, какая она хорошенькая, королева разгневалась и возненавидела падчерицу. Она с удовольствием превратила бы ее в дикого лебедя, да нельзя было сделать этого сейчас же, потому что король хотел видеть свою дочь.

И вот рано утром королева пошла в мраморную, всю убранную чудными коврами и мягкими подушками купальню, взяла трех жаб, поцеловала каждую и сказала первой:

– Сядь Элизе на голову, когда она войдет в купальню; пусть она станет такую же тупой и ленивой, как ты! А ты сядь ей на лоб! – сказала она другой. – Пусть Элиза будет такой же безобразной, как ты, и отец не узнает ее! Ты же ляг ей на сердце! – шепнула королева третьей жабе. – Пусть она станет злонравной и мучиться от этого!

Затем она спустила жаб в прозрачную воду, и вода сейчас же вся позеленела. Позвав Элизу, королева раздела ее и велела ей войти в воду. Элиза послушалась, и одна жаба села ей на темя, другая на лоб, а третья на грудь; но Элиза даже не заметила этого, и, как только вышла из воды, по воде поплыли три красных мака. Если бы жабы не были отравлены поцелуем ведьмы, они превратились бы, полежав у Элизы на голове и на сердце, в красные розы; девушка была так набожна и невинна, что колдовство никак не могло подействовать на нее.

Увидав это, злая королева натерла Элизу соком грецкого ореха, так что она стала совсем коричневой, вымазала ей личико вонючей мазью и спутала ее чудные волосы. Теперь нельзя было и узнать хорошенькую Элизу. Даже отец ее испугался и сказал, что это не его дочь. Никто не признавал ее, кроме цепной собаки да ласточек, но кто же стал бы слушать бедных тварей!

Заплакала Элиза и подумала о своих выгнанных братьях, тайком ушла из дворца и целый день брела по полям и болотам, пробираясь к лесу. Элиза и сама хорошенько не знала, куда надо ей идти, но так истосковалась по своим братьям, которые тоже были изгнаны из родного дома, что решила искать их повсюду, пока не найдет.

Недолго пробыла она в лесу, как уже настала ночь, и Элиза совсем сбилась с дороги; тогда она улеглась на мягкий мох, прочла молитву на сон грядущий и склонила голову на пень. В лесу стояла тишина, воздух был такой теплый, в траве мелькали, точно зеленые огоньки, сотни светлячков, а когда Элиза задела рукой за какой-то кустик, они посыпались в траву звездным дождем.

Всю ночь снились Элизе братья: все они опять были детьми, играли вместе, писали грифелями на золотых досках и рассматривали чудеснейшую книжку с картинками, которая стоила полкоролевства. Но писали они на досках не черточки и нулики, как бывало прежде, – нет, они описывали все, что видели и пережили. Все картины в книжке были живые: птицы распевали, а люди сходили со страниц и разговаривали с Элизой и ее братьями; но стоило ей захотеть перевернуть лист, – они впрыгивали обратно, иначе в картинках вышла бы путаница.

Когда Элиза проснулась, солнышко стояло уже высоко; она даже не могла хорошенько видеть его за густой листвой деревьев, но отдельные лучи его пробивались между ветвями и бегали золотыми зайчиками по траве; от зелени шел чудный запах, а птички чуть не садились Элизе на плечи. Невдалеке слышалось журчание источника; оказалось, что тут бежало несколько больших ручьев, вливавшихся в пруд с чудным песчаным дном. Пруд был окружен живой изгородью, но в одном месте дикие олени проломали для себя широкий проход, и Элиза могла спуститься к самой воде. Вода в пруду была чистая и прозрачная; не шевели ветер ветвей деревьев и кустов, можно было бы подумать, что и деревья и кусты нарисованы на дне, так ясно они отражались в зеркале вод.

Увидав в воде свое лицо, Элиза совсем перепугалась, такое оно было черное и гадкое; и вот она зачерпнула горсть воды, потерла глаза и лоб, и опять заблестела ее белая нежная кожа. Тогда Элиза разделась совсем и вошла в прохладную воду. Такой хорошенькой принцессы поискать было по белу свету!

Одевшись и заплетя свои длинные волосы, она пошла к журчащему источнику, напилась воды прямо из пригоршни и потом пошла дальше по лесу, сама не зная куда. Она думала о своих братьях и надеялась, что бог не покинет ее: это он ведь повелел расти диким лесным яблокам, чтобы напитать ими голодных; он же указал ей одну из таких яблонь, ветви которой гнулись от тяжести плодов. Утолив голод, Элиза подперла ветви палочками и углубилась в самую чашу леса. Там стояла такая тишина, что

Элиза слышала свои собственные шаги, слышала шуршанье каждого сухого листка, попадавшего ей под ноги. Ни единой птички не залетало в эту глушь, ни единый солнечный луч не проскальзывал сквозь сплошную чащу ветвей. Высокие стволы стояли плотными рядами, точно бревенчатые стены; никогда еще Элиза не чувствовала себя такой одинокой.

Ночью стало еще темнее; во мху не светило ни единого светлячка. Печально улеглась Элиза на траву, и вдруг ей показалось, что ветви над ней раздвинулись, и на нее глянул добрыми очами сам господь бог; маленькие ангелочки выглядывали из-за его головы и из-под рук.

Проснувшись утром, она и сама не знала, было ли то во сне или наяву. Отправившись дальше, Элиза встретила старушку с корзинкой ягод; ста-

рушка дала девушке горсточку ягод, а Элиза спросила ее, не проезжали ли тут, по лесу, одиннадцать принцев.

– Нет, – сказала старушка, – но вчера я видела здесь на реке одиннадцать лебедей в золотых коронах.

И старушка вывела Элизу к обрыву, под которым протекала река. По обоим берегам росли деревья, простиравшие навстречу друг другу свои длинные, густо покрытые листьями ветви. Те из деревьев, которым не удавалось сплести своих ветвей с ветвями их братьев на противоположном берегу, так вытягивались над водой, что корни их вылезали из земли, и они все же добивались своего.

Элиза простилась со старушкой и пошла к устью реки, впадавшей в открытое море.

И вот перед молодой девушкой открылось чудное безбрежное море, но на всем его просторе не виднелось ни одного паруса, не было ни единой лодочки, на которой бы она могла пуститься в дальнейший путь. Элиза посмотрела на бесчисленные валуны, выброшенные на берег морем, – вода отшлифовала их так, что они

стали совсем гладкими и круглыми. Все остальные выброшенные морем предметы: стекло, железо и камни – тоже носили следы этой шлифовки, а между тем вода была мягче нежных рук Элизы, и девушка подумала: «Волны неустанно катятся одна за другой и наконец шлифуют самые твердые предметы. Буду же и я трудиться неустанно! Спасибо вам за науку, светлые быстрые волны! Сердце говорит мне, что когда-нибудь вы отнесете меня к моим милым братьям!»

На выброшенных морем сухих водорослях лежали одиннадцать белых лебединых перьев; Элиза собрала и связала их в пучок; на перьях еще блестели капли – росы или слез, кто знает? Пустынно было на берегу, но Элиза не чувствовала этого: море представляло собою вечное разнообразие; в несколько часов тут можно было насмотреться больше, чем в целый год где-нибудь на берегах пресных внутренних озер. Если на небо надвигалась большая черная туча и ветер крепчал, море как будто говорило: «Я тоже могу почернеть!» – начинало бурлить, волноваться и покрывалось белыми барашками. Если же облака были розоватого цвета, а ветер спал, – море было похоже на лепесток розы; иногда оно становилось зеленым, иногда белым; но какая бы тишь ни стояла в воздухе и как бы спокойно ни было само море, у берега постоянно было заметно легкое волнение, – вода тихо вздымалась, словно грудь спящего ребенка.

Когда солнце было близко к закату, Элиза увидела вереницу летевших к берегу диких лебедей в золотых коронах; всех лебедей было одиннадцать, и летели они один за другим, вытянувшись длинною белою лентой, Элиза взобралась наверх и спряталась за куст. Лебеди спустились недалеко от нее и захлопали своими большими белыми крыльями.

В ту же самую минуту, как солнце скрылось под водой, оперение с лебедей вдруг спало, и на земле очутились одиннадцать красавцев принцев, Элизиных братьев! Элиза громко вскрикнула; она сразу узнала их, несмотря на то, что они успели сильно измениться; сердце подсказало ей, что это они! Она бросилась в их объятия, называла их всех по именам, а они-то как

обрадовались, увидав и узнав свою сестрицу, которая так выросла и похорошела. Элиза и ее братья смеялись и плакали и скоро узнали друг от друга, как скверно поступила с ними мачеха.

– Мы, братья, – сказал самый старший, – летаем в виде диких лебедей весь день, от восхода до самого заката солнечного; когда же солнце заходит, мы опять принимаем человеческий образ. Поэтому ко времени захода солнца мы всегда должны иметь под ногами твердую землю: случись нам превратиться в людей во время нашего полета под облаками, мы тотчас же упали бы с такой страшной высоты. Живем же мы не тут; далеко-далеко за морем лежит такая же чудная страна, как эта, но дорога туда длинна, приходится перелетать через все море, а по пути нет ни единого острова, где бы мы могли провести ночь. Только по самой середине моря торчит небольшой одинокий утес, на котором мы кое-как и можем отдохнуть, тесно прижавшись друг к другу. Если море бушует, брызги воды перелетают даже через наши головы, но мы благодарим бога и за такое пристанище: не будь его, нам вовсе не удалось бы навестить нашей милой родины – и теперь-то для этого перелета нам приходится выбирать два самых длинных дня в году. Лишь раз в год позволено нам прилетать на родину; мы можем оставаться здесь одиннадцать дней и летать над этим большим лесом, откуда нам виден дворец, где мы родились и где живет наш отец, и колокольня церкви, где покоится наша мать. Тут даже кусты и деревья кажутся нам родными; тут по равнинам по-прежнему бегают дикие лошади, которых мы видели в дни нашего детства, а угольщики по-прежнему поют те песни, под которые мы плясали детьми. Тут наша родина, сюда тянет нас всем сердцем, и здесь-то мы нашли тебя, милая, дорогая сестричка! Два дня еще можем мы пробыть здесь, а затем должны улететь за море, в чужую страну! Как же нам взять тебя с собой? У нас нет ни корабля, ни лодки!

– Как бы мне освободить вас от чар? – спросила братьев сестра.

Так они проговорили почти всю ночь и задремали только на несколько часов.

Элиза проснулась от шума лебединых крыл. Братья опять стали птицами и летали в воздухе большими кругами, а потом и совсем скрылись из виду. С Элизой остался только самый младший из братьев; лебедь положил свою голову ей на колени, а она гладила и перебирала его перышки. Целый день провели они вдвоем, к вечеру же прилетели и остальные, и когда солнце село, все вновь приняли человеческий образ.

– Завтра мы должны улететь отсюда и сможем вернуться не раньше будущего года, но тебя мы не покинем здесь! – сказал младший брат. – Хватит ли у тебя мужества улететь с нами? Мои руки довольно сильны, чтобы пронести тебя через лес, – неужели же мы все не сможем перенести тебя на крыльях через море?

– Да, возьмите меня с собой! – сказала Элиза.

Всю ночь провели они за плетеньем сетки из гибкого лозняка и тростника; сетка вышла большая и прочная; в нее положили Элизу. Превратившись на восходе солнца в лебедей, братья схватили сетку клювами и взвились с милой, спавшей крепким сном, сестрицей к облакам. Лучи солнца светили ей прямо в лицо, поэтому один из лебедей полетел над ее головой, защищая ее от солнца своими широкими крыльями.

Они были уже далеко от земли, когда Элиза проснулась, и ей показалось, что она видит сон наяву, так странно было ей лететь по воздуху. Возле нее лежали ветка с чудесными спелыми ягодами и пучок вкусных кореньев; их набрал и положил к ней самый младший из братьев, и она благодарно улыбнулась ему, – она догадалась, что это он летел над ней и защищал ее от солнца своими крыльями.

Высоко-высоко летели они, так что первый корабль, который они увидели в море, показался им плавающей на воде чайкой. В небе позади них стояло большое облако – настоящая гора! – и на нем Элиза увидела движущиеся исполинские тени одиннадцати лебедей и свою собственную. Вот была картина! Таких ей еще не приходилось видеть! Но по мере того как солнце подымалось выше

и облако оставалось все дальше и дальше позади, воздушные тени мало-помалу исчезли.

Целый день летели лебеди, как пущенная из лука стрела, но все-таки медленнее обыкновенного; теперь ведь они несли сестру. День стал клониться к вечеру, поднялась непогода; Элиза со страхом следила за тем, как опускалось солнце, одинокого морского утеса все еще не было видно. Вот ей показалось, что лебеди как-то усиленно машут крыльями. Ах, это она была виной того, что они не могли лететь быстрее! Зайдет солнце, – они станут людьми, упадут в море и утонут! И она от всего сердца стала молиться богу, но утес все не показывался. Черная туча приближалась, сильные порывы ветра предвещали бурю, облака собрались в сплошную грозную свинцовую волну, катившуюся по небу; молния сверкала за молнией.

Одним своим краем солнце почти уже касалось воды; сердце Элизы затрепетало; лебеди вдруг полетели вниз с невероятной быстротой, и девушка подумала уже, что все они падают; но нет, они опять продолжали лететь. Солнце наполовину скрылось под водой, и тогда только Элиза увидела под собой утес, величиною не больше тюленя, высунувшего из воды голову. Солнце быстро угасало; теперь оно казалось только небольшою блестящею звездочкой; но вот лебеди ступили ногой на твердую почву, и солнце погасло, как последняя искра догоревшей бумаги. Элиза увидела вокруг себя братьев, стоявших рука об руку; все они едва умещались на крошечном утесе. Море бешено билось об него и окатывало их целым дождем брызг; небо пылало от молний, и ежеминутно грохотал гром, но сестра и братья держались за руки и пели псалом, вливавший в их сердца утешение и мужество.

На заре буря улеглась, опять стало ясно и тихо; с восходом солнца лебеди с Элизой полетели дальше. Море еще волновалось, и они видели с высоты, как плыла по темно-зеленой воде, точно несметные стаи лебедей, белая пена.

Когда солнце поднялось выше, Элиза увидела перед собой как бы плавающую в воздухе гористую страну с массами блестящего льда

на скалах; между скалами возвышался огромный замок, обвитый какими-то смелыми воздушными галереями из колонн; внизу под ним качались пальмовые леса и роскошные цветы, величиною с мельничные колеса. Элиза спросила, не это ли та страна, куда они летят, но лебеди покачали головами: она видела перед собой чудный, вечно изменяющийся облачный замок Фата-Морганы; туда они не смели принести ни единой человеческой души. Элиза опять устремила свой взор на замок, и вот горы, леса и замок сдвинулись вместе, и из них образовались двадцать одинаковых величественных церквей с колокольнями и стрельчатыми окнами. Ей показалось даже, что она слышит звуки органа, но это шумело море. Теперь церкви были совсем близко, но вдруг превратились в целую флотилию кораблей; Элиза вгляделась пристальнее и увидела, что это просто морской туман, подымавшийся над водой. Да, перед глазами у нее были вечно сменяющиеся воздушные образы и картины! Но вот, наконец, показалась и настоящая земля, куда они летели. Там возвышались чудные горы, кедровые леса, города и замки.

Задолго до захода солнца Элиза сидела на скале перед большой пещерой, точно обвешанной вышитыми зелеными коврами – так обросла она нежно-зелеными ползучими растениями.

– Посмотрим, что приснится тебе тут ночью! – сказал младший из братьев и указал сестре ее спальню.

– Ах, если бы мне приснилось, как освободить вас от чар! – сказала она, и эта мысль так и не выходила у нее из головы.

Элиза стала усердно молиться Богу и продолжала свою молитву даже во сне. И вот ей пригрезилось, что она летит высоко-высоко по воздуху к замку Фата-Морганы и что фея сама выходит ей навстречу, такая светлая и прекрасная, но в то же время удивительно похожая на ту старушку, которая дала Элизе в лесу ягод и рассказала о лебедях в золотых коронах.

– Твоих братьев можно спасти, – сказала она. – Но хватит ли у тебя мужества и стойкости? Вода мягче твоих нежных рук и все-

таки шлифует камни, но она не ощущает боли, которую будут ощущать твои пальцы; у воды нет сердца, которое бы стало изнывать от страха и муки, как твое. Видишь, у меня в руках крапива? Такая крапива растет здесь возле пещеры, и только она, да еще та крапива, что растет на кладбищах, может тебе пригодиться; заметь же ее! Ты нарвешь этой крапивы, хотя твои руки покроются волдырями от ожогов; потом разомнешь ее ногами, ссучишь из полученного волокна длинные нити, затем сплетишь из них одиннадцать рубашекпанцирей с длинными рукавами и набросишь их на лебедей; тогда колдовство исчезнет. Но помни, что с той минуты, как ты начнешь свою работу, и до тех пор, пока не окончишь ее, хотя бы она длилась целые годы, ты не должна говорить ни слова. Первое же слово, которое сорвется у тебя с языка, пронзит сердца твоих братьев, как кинжалом. Их жизнь и смерть будут в твоих руках! Помни же все это!

И фея коснулась ее руки жгучею крапивой; Элиза почувствовала боль, как от ожога, и проснулась. Был уже светлый день, и рядом с ней лежал пучок крапивы, точно такой же, как та, которую она видела сейчас во сне. Тогда она упала на колени, поблагодарила Бога и вышла из пещеры, чтобы сейчас же приняться за работу.

Своими нежными руками рвала она злую, жгучую крапиву, и руки ее покрывались крупными волдырями, но она с радостью переносила боль: только бы удалось ей спасти милых братьев! Потом она размяла крапиву голыми ногами и стала сучить зеленое волокно.

С заходом солнца явились братья и очень испугались, видя, что она стала немой. Они думали, что это новое колдовство их злой мачехи, но. Взглянув на ее руки, поняли они, что она стала немой ради их спасения. Самый младший из братьев заплакал; слезы его падали ей на руки, и там, куда упала слезинка, исчезали жгучие волдыри, утихала боль.

Ночь Элиза провела за своей работой; отдых не шел ей на ум; она думала только о том, как бы поскорее освободить своих

милых братьев. Весь следующий день, пока лебеди летали, она оставалась одна-одинешенька, но никогда еще время не бежало для нее с такой быстротой. Одна рубашка-панцирь была готова, и девушка принялась за следующую.

Вдруг в горах послышались звуки охотничьих рогов; Элиза испугалась; звуки все приближались, затем раздался лай собак. Девушка скрылась в пещеру, связала всю собранную ею крапиву в пучок и села на него.

В ту же минуту из-за кустов выпрыгнула большая собака, за ней другая и третья; они громко лаяли и бегали взад и вперед. Через несколько минут у пещеры собрались все охотники; самый красивый из них был король той страны; он подошел к Элизе – никогда еще не встречал он такой красавицы!

– Как ты попала сюда, прелестное дитя? – спросил он, но Элиза только покачала головой; она ведь не смела говорить: от ее молчания зависела жизнь и спасение ее братьев. Руки свои Элиза спрятала под передник, чтобы король не увидел, как она страдает.

– Пойдем со мной! – сказал он. – Здесь тебе нельзя оставаться! Если ты так добра, как хороша, я наряжу тебя в шелк и бархат, надену тебе на голову золотую корону, и ты будешь жить в моем великолепном дворце! – И он посадил ее на седло перед собой; Элиза плакала и ломала себе руки, но король сказал: – Я хочу только твоего счастья. Когда-нибудь ты сама поблагодаришь меня!

И повез ее через горы, а охотники скакали следом.

К вечеру показалась великолепная столица короля, с церквами и куполами, и король привел Элизу в свой дворец, где в высоких мраморных покоях журчали фонтаны, а стены и потолки были украшены живописью. Но Элиза не смотрела ни на что, плакала и тосковала; безучастно отдалась она в распоряжение прислужниц, и те надели на нее королевские одежды, вплели ей в волосы жемчужные нити и натянули на обожженные пальцы тонкие

перчатки.

Богатые уборы так шли к ней, она была в них так ослепительно хороша, что весь двор преклонился перед ней, а король провозгласил ее своей невестой, хотя архиепископ и покачивал головой, нашептывая королю, что лесная красавица, должно быть, ведьма, что она отвела им всем глаза и околдовала сердце короля.

Король, однако, не стал его слушать, подал знак музыкантам, велел вызвать прелестнейших танцовщиц и подавать на стол дорогие блюда, а сам повел Элизу через благоухающие сады в великолепные покои, она же оставалась по-прежнему грустной и печальной. Но вот король открыл дверцу в маленькую комнатку, находившуюся как раз возле ее спальни. Комнатка вся была увешана зелеными коврами и напоминала лесную пещеру, где нашли Элизу; на полу лежала связка крапивного волокна, а на потолке висела сплетенная Элизой рубашка-панцирь; все это, как диковинку, захватил с собой из леса один из охотников.

– Вот тут ты можешь вспоминать свое прежнее жилище! – сказал король.

– Тут и работа твоя; может быть, ты пожелаешь иногда поразвлечься среди всей окружающей тебя пышности воспоминаниями о прошлом!

Увидав дорогую ее сердцу работу, Элиза улыбнулась и покраснела; она подумала о спасении братьев и поцеловала у короля руку, а он прижал ее к сердцу и велел звонить в колокола по случаю своей свадьбы. Немая лесная красавица стала королевой.

Архиепископ продолжал нашептывать королю злые речи, но они не доходили до сердца короля, и свадьба состоялась. Архиепископ сам должен был надеть на невесту корону; с досады он так плотно надвинул ей на лоб узкий золотой обруч, что всякому стало бы больно, но она даже не обратила на это внимания: что значила для нее телесная боль, если сердце ее изнывало от

тоски и жалости к милым братьям! Губы ее попрежнему были сжаты, ни единого слова не вылетело из них – она знала, что от ее молчания зависит жизнь братьев, – зато в глазах светилась горячая любовь к доброму красивому королю, который делал все, чтобы только порадовать ее. С каждым днем она привязывалась к нему все больше и больше. О! Если бы она могла довериться ему, высказать ему свои страдания, но – увы! – она должна была молчать, пока не окончит своей работы. По ночам она тихонько уходила из королевской спальни в свою потаенную комнатку, похожую на пещеру, и плела там одну рубашку-панцирь за другой, но когда принялась уже за седьмую, у нее вышло все волокно.

Она знала, что может найти такую крапиву на кладбище, но ведь она должна была рвать ее сама; как же быть?

«О, что значит телесная боль в сравнении с печалью, терзающей мое сердце! – думала Элиза. – Я должна решиться! Господь не оставит меня!»

Сердце ее сжималось от страха, точно она шла на дурное дело, когда пробиралась лунною ночью в сад, а оттуда по длинным аллеям и пустынным улицам на кладбище. На широких могильных плитах сидели отвратительные ведьмы; они сбросили с себя лохмотья, точно собирались купаться, разрывали своими костлявыми пальцами свежие могилы, вытаскивали оттуда тела и пожирали их. Элизе пришлось пройти мимо них, и они так и тарасили на нее свои злые глаза – но она сотворила молитву, набрала крапивы и вернулась домой.

Лишь один человек не спал в ту ночь и видел ее – архиепископ; теперь он убедился, что был прав, подозревая королеву, итак, она была ведьмой и потому сумела околдовать короля и весь народ.

Когда король пришел к нему в исповедальную, архиепископ рассказал ему о том, что видел и что подозревал; злые слова так и сыпались у него с языка, а резные изображения святых качали головами, точно хотели сказать: «Неправда, Элиза

невинна!» Но архиепископ перетолковывал это по-своему, говоря, что и святые свидетельствуют против нее, неодобрительно качая головами. Две крупные слезы покатались по щекам короля, сомнение и отчаяние овладели его сердцем. Ночью он только притворился, что спит, на самом же деле сон бежал от него. И вот он увидел, что Элиза встала и скрылась из спальни; в следующие ночи повторилось то же самое; он следил за ней и видел, как она исчезала в своей потаенной комнатке.

Чело короля становилось все мрачнее и мрачнее; Элиза замечала это, но не понимала причины; сердце ее ныло от страха и от жалости к братьям; на королевский пурпур катились горькие слезы, блестевшие, как алмазы, а люди, видевшие ее богатые уборы, желали быть на месте королевы! Но скороскором конец ее работе; недоставало всего одной рубашки, и взором и знаками попросила его уйти; в эту ночь ей ведь нужно было кончить свою работу, иначе пропали бы задаром все ее страдания, и слезы, и бессонные ночи! Архиепископ ушел, понося ее бранными словами, но бедняжка Элиза знала, что она невинна, и продолжала работать.

Чтобы хоть немножко помочь ей, мышки, шмыгавшие по полу, стали собирать и приносить к ее ногам разбросанные стебли крапивы, а дрозд, сидевший за решетчатым окном, утешал ее своею веселою песенкой.

На заре, незадолго до восхода солнца, у дворцовых ворот появились одиннадцать братьев Элизы и потребовали, чтобы их впустили к королю. Им отвечали, что этого никак нельзя: король еще спал и никто не смел его беспокоить. Они продолжали просить, потом стали угрожать; явилась стража, а затем вышел и сам король узнать, в чем дело. Но в эту минуту взошло солнце, и никаких братьев больше не было – над дворцом взвились одиннадцать диких лебедей.

Народ валом повалил за город посмотреть, как будут жечь ведьму. Жалкая кляча везла телегу, в которой сидела Элиза; на нее накинули плащ из грубой мешковины; ее чудные длинные

волосы были распущены по плечам, в лице не было ни кровинки, губы тихо шевелились, шепча молитвы, а пальцы плели зеленую пряжу. Даже по дороге к месту казни не выпускала она из рук начатой работы; десять рубашекпанцирей лежали у ее ног совсем готовые, одиннадцатую она плела. Толпа глумилась над нею.

– Посмотрите на ведьму! Ишь, бормочет! Небось не молитвенник у нее в руках – нет, все возится со своими колдовскими штуками! Вырвем-ка их у нее да разорвем в клочки.

И они теснились вокруг нее, собираясь вырвать из ее рук работу, как вдруг прилетели одиннадцать белых лебедей, сели по краям телеги и шумно захлопали своими могучими крыльями. Испуганная толпа отступила.

– Это знамение небесное! Она невинна, – шептали многие, но не смели сказать этого вслух.

Палач схватил Элизу за руку, но она поспешно набросила на лебедей одиннадцать рубашек, и... перед ней встали одиннадцать красавцев принцев, только у самого младшего не хватало одной руки, вместо нее было лебединое крыло: Элиза не успела закончить последней рубашки, и в ней недоставало одного рукава.

– Теперь я могу говорить! – сказала она. – Я невинна!

И народ, видевший все, что произошло, преклонился перед ней, как перед святой, но она без чувств упала в объятия братьев – так подействовали на нее неустанное напряжение сил, страх и боль.

– Да, она невинна! – сказал самый старший брат и рассказал все, как было; и пока он говорил, в воздухе распространилось благоухание, точно от множества роз, – это каждое полено в костре пустило корни и ростки, и образовался высокий благоухающий куст, покрытый красными розами. На самой же верхушке куста блестел, как звезда, ослепительно белый цветок. Король сорвал его, положил на грудь Элизы, и она пришла в себя

на радость и на счастье!

Все церковные колокола зазвонили сами собой, птицы слетелись целыми стаями, и ко дворцу потянулось такое свадебное шествие, какого не видал еще ни один король!

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Стойкий оловянный солдатик

Было когда-то на свете двадцать пять оловянных солдатиков, все братья, потому что родились от старой оловянной ложки. Ружье на плече, смотрят прямо перед собой, а мундир-то какой великолепный – красный с синим! Лежали они в коробке, и когда крышку сняли, первое, что они услышали, было:

– Ой, оловянные солдатики!

Это закричал маленький мальчик и захлопал в ладоши. Их подарили ему на день рождения, и он сейчас же расставил их на столе.

Все Солдатики оказались совершенно одинаковые, и только

один-единственный был немножко не такой, как все: у него была только одна нога, потому что отливали его последним, и олова не хватило. Но и на одной ноге он стоял так же твердо, как остальные на двух, и вот с ним-то и приключится замечательная история.

На столе, где очутились солдатики, стояло много других игрушек, но самым приметным был красивый дворец из картона. Сквозь маленькие окна можно было заглянуть прямо в залы. Перед дворцом, вокруг маленького зеркальца, которое изображало озеро, стояли деревца, а по озеру плавали восковые лебеди и гляделись в него.

Все это было куда как мило, но милее всего была девушка, стоявшая в дверях замка. Она тоже была вырезана из бумаги, но юбочка на ней была из тончайшего батиста; через плечо у нее шла узенькая голубая ленточка, будто шарф, а на груди сверкала блестка не меньше головы самой девушки. Девушка стояла на одной ноге, вытянув перед собой руки, – она была танцовщица, – а другую вскинула так высоко, что оловянный солдатик и не видел ее, а потому решил, что она тоже одноногая, как и он.

«Вот бы мне такую жену! – подумал он. – Только она, видать, из знатных, живет во дворце, а у меня всего-то и есть, что коробка, да и то нас в ней целых двадцать пять солдат, не место ей там! Но познакомиться можно!»

И он притаился за табакеркой, которая стояла тут же на столе. Отсюда он отлично видел прелестную танцовщицу.

Вечером всех остальных оловянных солдатиков, кроме него

одного, водворили в коробку, и люди в доме легли спать. А игрушки сами стали играть

– и в гости, и в войну, и в бал. Оловянные солдатики ворошились в коробке – ведь им тоже хотелось играть, – да не могли поднять крышку. Щелкунчик кувыркался, грифель плясал по доске. Поднялся такой шум и гам, что канарейка проснулась да как засвистит, и не просто, а стихами! Не трогались с места только оловянный солдатик да танцовщица. Она по-прежнему стояла на одном носке, протянув руки вперед, а он браво стоял на своей единственной ноге и не сводил с нее глаз.

Вот пробило двенадцать, и – щелк! – крышка табакерки отскочила, только в ней оказался не табак, нет, а маленький черный тролль. Табакерка-то была с фокусом.

– Оловянный солдатик, – сказал тролль, – не смотри куда не надо!

Но оловянный солдатик сделал вид, будто не слышит.

– Ну погоди же, вот наступит утро! – сказал тролль.

И наступило утро; встали дети, и оловянного солдатика поставили на подоконник. Вдруг, по милости ли тролля, или от сквозняка, окно как распахнется, и солдатик как полетит вниз головой с третьего этажа! Это был ужасный полет. Солдатик взбросил негу в воздух, воткнулся каской и штыком между камнями мостовой, да так и застрял вниз головой.

Мальчик и служанка сейчас же выбежали искать его, но никак не могли увидеть, хотя чуть не наступали на него ногами. Крикну он им: «Я тут!» – они, наверное, и нашли бы его, да только не пристало солдату кричать во все горло – ведь на нем был мундир.

Начал накрапывать дождь, капли падали все чаще, и наконец хлынул настоящий ливень. Когда он кончился, пришли двое уличных мальчишек.

– Гляди-ка! – сказал один. – Вон оловянный солдатик! Давай отправим его в плаванье!

И они сделали из газетной бумаги кораблик, посадили в него оловянного солдатика, и он поплыл по водосточной канаве. Мальчишки бежали рядом и хлопали в ладоши. Батюшки, какие волны ходили по канаве, какое стремительное было течение! Еще бы, после такого ливня!

Кораблик бросало то вверх, то вниз и вертело так, что оловянный солдатик весь дрожал, но он держался стойко – ружье на плече, голова прямо, грудь вперед.

Вдруг кораблик нырнул под длинные мостки через канаву. Стало так темно, будто солдатик опять попал в коробку.

«Куда меня несет? – думал он. – Да, да, все это проделки тролля! Ах, если бы со мною в лодке сидела та барышня, тогда будь хоть вдвое темнее, и то ничего!»

Тут появилась большая водяная крыса, жившая под мостками.

– Паспорт есть? – Спросила она. – Предъяви паспорт!

Но оловянный солдатик как воды в рот набрал и только еще крепче сжимал ружье. Кораблик несло все вперед и вперед, а крыса плыла за ним вдогонку. У! Как скрежетала она зубами, как кричала плывущим навстречу щепкам и соломинам:

– Держите его! Держите! Он не уплатил пошлины! Он беспаспортный!

Но течение становилось все сильнее и сильнее, и оловянный солдатик уже видел впереди свет, как вдруг раздался такой шум, что испугался бы любой храбрец. Представьте себе, у конца мостика водосточная канава впадала в большой канал. Для солдатика это было так же опасно, как для нас нестись в лодке к большому водопаду.

Вот канал уже совсем близко, остановиться невозможно. Кораблик

вынесло из-под мостка, бедняга держался, как только мог, и даже глазом не моргнул. Кораблик развернуло три, четыре раза, залило водой до краев, и он стал тонуть.

Солдатик оказался по шею в воде, а кораблик погружался все глубже и глубже, бумага размокала. Вот вода покрыла солдатика с головой, и тут он подумал о прелестной маленькой танцовщице – не видать ему ее больше. В ушах у него зазвучало:

Вперед стремись, воитель,

Тебя настигнет смерть!

Тут бумага окончательно расплзлась, и солдатик пошел ко дну, но в ту же минуту его проглотила большая рыба.

Ах, как темно было внутри, еще хуже, чем под мостком через водосточную канаву, да еще и тесно в придачу! Но оловянный солдатик не потерял мужества и лежал растянувшись во весь рост, не выпуская из рук ружья...

Рыба заходила кругами, стала выделять самые диковинные скачки. Вдруг она замерла, в нее точно молния ударила. Блеснул свет, и кто-то крикнул: «Оловянный солдатик!» Оказывается, рыбу поймали, привезли на рынок, продали, принесли на кухню, и кухарка распоролла ей брюхо большим ножом. Затем кухарка взяла солдатика двумя пальцами за поясницу и принесла в комнату. Всем хотелось посмотреть на такого замечательного человечка – еще бы, он проделал путешествие в брюхе рыбы! Но оловянный солдатик ничуть не загордился. Его поставили на стол, и – каких только чудес не бывает на свете! – он оказался в той же самой комнате, увидел тех же детей, на столе стояли те же игрушки и чудесный дворец с прелестной маленькой танцовщицей. Она попрежнему стояла на одной ноге, высоко вскинув другую, – она тоже была стойкая. Солдатик был тронут и чуть не заплакал оловянными слезами, но это было бы непригоже. Он смотрел на нее, она на него, но они не сказали друг другу ни слова.

Вдруг один из малышей схватил оловянного солдатика и швырнул в

печку, хотя солдатик ничем не провинился. Это, конечно, подстроил тролль, что сидел в табакерке.

Оловянный солдатик стоял в пламени, его охватил ужасный жар, но был ли то огонь или любовь – он не знал. Краска с него совсем сошла, никто не мог бы сказать, отчего – от путешествия или от горя. Он смотрел на маленькую танцовщицу, она на него, и он чувствовал, что тает, но по-прежнему держался стойко, не выпуская из рук ружья. Вдруг дверь в комнату распахнулась, танцовщицу подхватило ветром, и она, как сифида, порхнула прямо в печку к оловянному солдатiku, вспыхнула разом – и нет ее. А оловянный солдатик стаял в комочек, и наутро горничная, выгребая золу, нашла вместо солдатика оловянное сердечко. А от танцовщицы осталась одна только блестка, и была она обгорелая и черная, словно уголь.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Ромашка

Вот послушайте-ка!

За городом, у самой дороги, стояла дача. Вы, верно, видели ее?

Перед ней еще небольшой садик, обнесенный крашеною деревянною решеткой.

Неподалеку от дачи, у самой канавы, росла в мягкой зеленой траве ромашка. Солнечные лучи грели и ласкали ее наравне с роскошными цветами, которые цвели в саду перед дачей, и наша ромашка росла не по дням, а по часам. В одно прекрасное утро она распустилась совсем – желтое, круглое, как солнышко, сердечко ее было окружено сиянием ослепительно белых мелких лучей-лепестков. Ромашку ничуть не заботило, что она такой бедненький, простенький цветочек, которого никто не видит и не замечает в густой траве; нет, она была довольна всем, жадно тянулась к солнцу, любовалась им и слушала, как поет где-то высоко- высоко в небе жаворонок.

Ромашка была так весела и счастлива, точно сегодня было воскресенье, а на самом- то деле был всего только понедельник; все дети смирно сидели на школьных скамейках и учились у своих наставников; наша ромашка тоже смирно сидела на своем стебельке и училась у ясного солнышка и у всей окружающей природы, училась познавать благодать божью. Ромашка слушала пение жаворонка, и ей казалось, что в его громких, звучных песнях звучит как раз то, что таится у нее на сердце; поэтому ромашка смотрела на счастливую порхающую певунью птичку с каким-то особым почтением, но ничуть не завидовала ей и не печалилась, что сама не может ни летать, ни петь. «Я ведь вижу и слышу все! – думала она. Солнышко меня ласкает, ветерок целует! Как я счастлива!»

В садике цвело множество пышных, гордых цветов, и чем меньше они благоухали, тем больше важничали. Пионы так и раздували щеки – им все хотелось стать побольше роз; да разве в величине дело? Пестрее, наряднее тюльпанов никого не было, они отлично знали это и старались держаться возможно прямее, чтобы больше бросаться в глаза. Никто из гордых цветов не замечал маленькой ромашки, росшей где-то у канавы. Зато ромашка часто заглядывалась на них и думала «Какие они нарядные, красивые! К ним непременно прилетит в гости прелестная певунья птичка!

Слава богу, что я расту так близко – увижу все, налюбуюсь вдоволь!» Вдруг раздалось «квир-квир-вит!», и жаворонок спустился... не в сад к пионам и тюльпанам, а прямехонько в траву, к скромной ромашке! Ромашка совсем растерялась от радости и просто не знала, что ей думать, как быть!

Птичка прыгала вокруг ромашки и распевала. «Ах, какая славная мягкая травка! Какой миленький цветочек в серебряном платице, с золотым сердечком!»

Желтое сердечко ромашки и в самом деле сияло, как золотое, а ослепительно белые лепестки отливали серебром.

Ромашка была так счастлива, так рада, что и сказать нельзя. Птичка поцеловала ее, спела ей песенку и опять взвилась к синему небу. Прошла добрая четверть часа, пока ромашка опомнилась от такого счастья. Радостно-застенчиво глянула она на пышные цветы – они ведь видели, какое счастье выпало ей на долю, кому же и оценить его, как не им! Но тюльпаны вытянулись, надулись и покраснели с досады, а пионы прямо готовы были лопнуть! Хорошо, что они не умели говорить – досталось бы от них ромашке! Бедняжка сразу поняла, что они не в духе, и очень огорчилась.

В это время в садике показалась девушка с острым блестящим ножом в руках. Она подошла прямо к тюльпанам и принялась срезать их один за другим. Ромашка так и ахнула. «Какой ужас! Теперь им конец!» Срезав цветы, девушка ушла, а ромашка порадовалась, что росла в густой траве, где ее никто не видел и не замечал. Солнце село, она свернула лепестки и заснула, но и во сне все видела милую птичку и красное солнышко.

Утром цветок опять расправил лепестки и протянул их, как дитя ручонки, к светлому солнышку. В ту же минуту послышался голос жаворонка; птичка пела, но как грустно! Бедняжка попала в западню и сидела теперь в клетке, висевшей у раскрытого окна. Жаворонок пел о просторе неба, о свежей зелени полей, о том, как хорошо и привольно было летать на свободе! Тяжело-тяжело

было у бедной птички на сердце – она была в плену!

Ромашке всей душой хотелось помочь пленнице, но чем? И ромашка забыла и думать о том, как хорошо было вокруг, как славно грело солнышко, как блестели ее серебряные лепестки; ее мучила мысль, что она ничем не могла помочь бедной птичке.

Вдруг из садика вышли два мальчугана; у одного из них в руках был такой же большой и острый нож, как тот, которым девушка срезала тюльпаны. Мальчики подошли прямо к ромашке, которая никак не могла понять, что им было тут нужно.

– Вот здесь можно вырезать славный кусок дерна для нашего жаворонка! – сказал один из мальчиков и, глубоко запустив нож в землю, начал вырезать четырехугольный кусок дерна; ромашка очутилась как раз в середине его.

– Давай вырвем цветок! – сказал другой мальчик, и ромашка затрепетала от страха: если ее сорвут, она умрет, а ей так хотелось жить! Теперь она могла ведь попасть к бедному пленнику!

– Нет, пусть лучше останется! – сказал первый из мальчиков. – Так красивее!

И ромашка попала в клетку к жаворонку. Бедняжка громко жаловался на свою неволю, метался и бился о железные прутья клетки. А бедная ромашка не умела говорить и не могла утешить его ни словечком. А уж как ей хотелось! Так прошло все утро.

– Тут нет воды! – жаловался жаворонок. – Они забыли дать мне напиться, ушли и не оставили мне ни глоточка воды! У меня совсем пересохло в горлышке! Я весь горю, и меня знобит! Здесь такая духота! Ах, я умру, не видать мне больше ни красного солнышка, ни свежей зелени, ни всего божьего мира!

Чтобы хоть сколько-нибудь освежиться, жаворонок глубоко вонзил клюв в свежий, прохладный дерн, увидел ромашку, кивнул ей головой, поцеловал и сказал:

– И ты завянешь здесь, бедный цветок! Тебя да этот клочок зеленого дерна – вот что они дали мне взамен всего мира! Каждая травинка должна быть для меня теперь зеленым деревом, каждый твой лепесток – благоухающим цветком. Увы! Ты только напоминаешь мне, чего я лишился!

«Ах, чем бы мне утешить его!» – думала ромашка, но не могла шевельнуть ни листочком и только все сильнее и сильнее благоухала. Жаворонок заметил это и не тронул цветка, хотя повыщипал от жажды всю траву.

Вот и вечер пришел, а никто так и не принес бедной птичке воды. Тогда она распустила свои коротенькие крылышки, судорожно затрепетала ими и еще несколько раз жалобно пропищала:

– Пить! Пить!

Потом головка ее склонилась набок и сердечко разорвалось от тоски и муки.

Ромашка также не могла больше свернуть своих лепестков и заснуть, как накануне: она была совсем больна и стояла, грустно повесив головку.

Только на другое утро пришли мальчики и, увидав мертвого жаворонка, горько- горько заплакали, потом вырыли ему могилку и всю украсили ее цветами, а самого жаворонка положили в красивую красненькую коробочку – его хотели похоронить по- царски! Бедная птичка! Пока она жила и пела, они забывали о ней, оставили ее умирать в клетке от жажды, а теперь устраивали ей пышные похороны и проливали над ее могилкой горькие слезы!

Дерн с ромашкой был выброшен на пыльную дорогу; никто и не подумал о той, которая все-таки больше всех любила бедную птичку и всем сердцем желала ее утешить.

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Калоши счастья

Содержание:

1. Начало
2. Что случилось с советником юстиции
3. Приключения ночного сторожа
4. Приключения молодого медика
5. Превращения незадачливого писаря
6. Конец

1. Начало

Дело было в Копенгагене, на Восточной улице, недалеко от Новой королевской площади. В одном доме собралось большое общество – иногда ведь все-таки приходится принимать гостей, зато, глядишь, и сам дождешься когда-нибудь приглашения.

Гости разбились на две большие группы: одна немедленно засела играть в карты, другая образовала кружок вокруг хозяйки, которая предложила «придумать что-нибудь поинтереснее, и беседа потекла сама собой.

Между прочим, речь зашла про средние века, и многие находили, что в те времена жилось гораздо лучше, чем теперь. Да, да! Советник юстиции Кнап отстаивал это мнение так рьяно, что хозяйка тут же с ним согласилась, и они вдвоем накинулись на бедного Эрстеда, который доказывал в своей статье в «Альманахе», что наша эпоха кое в чем все-таки выше средневековья. Но советник утверждал, что времена короля Ганса были лучшей и счастливейшей порой в истории человечества.

Пока ведется этот жаркий спор, который прервался лишь на мгновение, когда принесли вечернюю газету (впрочем, читать в ней было решительно нечего), пройдем в переднюю, где гости оставили свои пальто, палки, зонтики и калоши! Сюда только что вошли две женщины: молодая и старая.

На первый взгляд их можно было принять за горничных, сопровождающих каких-нибудь старых барынь, которые пришли в гости к хозяйке, но, приглядевшись повнимательнее, вы бы заметили, что эти женщины ничуть не похожи на служанок: слишком уж мягки и неясны были у них руки, слишком величавы осанка и все движения, а платье их отличалось каким-то особо смелым покроем.

Вы, конечно, уже догадались, что это были феи. Младшая была если и не самой феей Счастья, то, уж наверно, одной из ее верных помощниц и занималась тем, что приносила людям разные мелкие дары счастья. Старшая казалась гораздо более серьезной – она была феей Печали и всегда управлялась со своими делами сама, не перепоручая их никому: тогда, по крайней мере, она знала, что все будет сделано, как она хотела.

Стоя в передней, они рассказывали друг другу о том, где побывали за день. Помощница феи Счастья сегодня выполнила всего лишь несколько маловажных поручений: спасла от ливня чью-то новую шляпу, передала одному почтенному человеку поклон от высокопоставленного ничтожества, и все в том же духе. Но зато в запасе у нее осталось нечто совершенно необыкновенное.

– Нужно тебе сказать, – закончила она, – что у меня сегодня день рождения, и в честь этого события мне дали пару калош, с тем чтобы я отнесла их людям. Эти калоши обладают одним замечательным свойством: того, кто их наденет, они могут мгновенно перенести в любое место и любую эпоху – стоит ему только пожелать, – и от этого он почувствует себя совершенно счастливым.

– Ты так думаешь? – отозвалась фея Печали. – Знай же: он будет самым несчастным человеком на земле и благословит ту минуту, когда наконец избавится от своих калош.

– Ну, это мы еще посмотрим! – проговорила фея Счастья. – А пока что я поставлю их у дверей. Авось кто-нибудь их наденет по ошибке вместо своих и обретет счастье.

Вот какой между ними произошел разговор.

2. Что случилось с советником юстиции

Было уже поздно. Советник юстиции Кнап собирался домой, все еще размышляя о временах короля Ганса. И надо же было так случиться, чтобы вместо своих калош он надел калоши счастья. Как только он вышел в них на улицу, волшебная сила калош немедленно перенесла его во времена короля Ганса, и ноги его тотчас же утонули в непролазной грязи, потому что при короле Гансе улиц, конечно, не мостили.

– Ну и грязища! Просто ужас что такое! – пробормотал советник. – И к тому же ни один фонарь не горит.

Луна еще не взошла, стоял густой туман, и все вокруг тонуло во мраке.

На углу перед изображением мадонны висела лампада, но она чуть теплилась, так что советник заметил картину, лишь поравнявшись с нею, и только тогда разглядел божью мать с младенцем на руках.

«Здесь, наверно, была мастерская художника, – решил он, – а

вывеску позабыли убрать».

Тут мимо него прошло несколько человек в средневековых костюмах.

«Чего это они так вырядились? – подумал советник. – Должно быть, с маскарада идут».

Но внезапно послышался барабанный бой и свист дудок, замелькали факелы, и взорам советника представилось удивительное зрелище! Навстречу ему по улице двигалась странная процессия: впереди шли барабанщики, искусно выбивая дробь, а за ними стражники с луками и арбалетами. По-видимому, то была свита, сопровождавшая какое-то важное лицо. Изумленный советник спросил, что это за шествие и кто этот сановник.

– Епископ Зеландский! – послышалось в ответ.

– Господи помилуй! Что еще такое приключилось с епископом? – вздохнул советник Кнап, грустно покачивая головой.

Размышляя обо всех этих чудесах и не глядя по сторонам, советник медленно шел по Восточной улице, пока наконец не добрался до площади Высокого Мыса. Однако моста, ведущего к Дворцовой площади, на месте не оказалось, – бедный советник едва разглядел в кромешной тьме какую-то речонку и в конце концов заметил лодку, в которой сидели двое парней.

– Прикажете переправить вас на остров? – спросили они.

– На остров? – переспросил советник, не зная еще, что он теперь живет во времена средневековья. – Мне нужно попасть в Христианову гавань на Малую торговую улицу.

Парни вытаращили на него глаза.

– Скажите мне хотя бы, где мост? – продолжал советник. – Ну что за безобразие! Фонари не горят, а грязь такая, что кажется, будто по болоту бродишь!

Но чем больше он говорил с перевозчиками, тем меньше понимал их.

– Не понимаю я вашей тарабарщины! – рассердился наконец советник и повернулся к ним спиной.

Моста он все-таки не нашел; каменный парапет набережной тоже исчез.

«Что делать! Вот безобразие! – думал он. Да, никогда еще действительность не казалась ему такой жалкой и мерзкой, как в этот вечер. – Нет, лучше взять извозчика, – решил он. – Но, господи, куда же они все запропастились? Как назло, ни одного! Вернусь-ка я на Новую королевскую площадь, там, наверно, стоят экипажи, а то мне вовек не добраться до Христиановой гавани!»

Он снова вернулся на Восточную улицу и успел уже пройти ее почти всю, когда взошла луна.

«Господи, что это здесь понастроили?» – изумился советник, увидев перед собой Восточные городские ворота, которые в те далекие времена стояли в конце Восточной. улицы.

Наконец он отыскал калитку и вышел на теперешнюю Новую королевскую площадь, которая в старину была просто большим лугом. На лугу там и сям торчали кусты, его пересекал не то широкий канал, не то река. На противоположном берегу расположились жалкие лавчонки халландских шкиперов, отчего место это называлось Халландской высотой.

– Боже мой! Или это мираж, фата-моргана, или я... господи... пьян? – застонал советник юстиции. – Что же это такое? Что же это такое?

И советник опять повернул назад, подумав, что заболел. Шагая по улице, он теперь внимательнее приглядывался к домам и заметил, что все они старинной постройки и многие крыты соломой.

– Да, конечно, я заболел, – вздыхал он, – а ведь всего-то

стаканчик пунша выпил, но мне и это повредило. И надо же додуматься – угощать гостей пуншем и горячей лососиной! Нет, я непременно поговорю об этом с госпожой советницей. Вернуться разве к ней и рассказать, какая со мной приключилась беда? Неудобно, пожалуй. Да они там все, наверное, уже давно спать улеглись.

Он стал искать дом одних своих знакомых, но его тоже не оказалось на месте.

– Нет, это просто наваждение какое-то! Не узнаю Восточной улицы. Ни одного магазина! Все только старые, жалкие лачуги – можно подумать, что я попал в Роскилле или Рингстед. Да, плохо мое дело! Ну что уж тут стесняться, вернусь к советнице! Но, черт возьми, как мне найти ее дом? Я больше не узнаю его. Ага, здесь, кажется, еще не спят!.. Ах, я совсем расхворался, совсем расхворался...

Он наткнулся на полуоткрытую дверь, из-за которой лился свет. Это был один из тех старинных трактиров, которые походили на теперешние наши пивные. Общая комната напоминала голштинскую харчевню. В ней сидело несколько завсегдатаев – шкипера, копенгагенские бюргеры и еще какие-то люди, с виду ученые. Попивая пиво из кружек, они вели какой-то жаркий спор и не обратили ни малейшего внимания на нового посетителя.

– Простите, – сказал советник подошедшей к нему хозяйке, – мне вдруг стало дурно. Вы не достанете мне извозчика? Я живу в Христиановой гавани.

Хозяйка посмотрела на него и грустно покачала головой, потом что-то сказала по-немецки. Советник подумал, что она плохо понимает по-датски, и повторил свою просьбу на немецком языке. Хозяйка уже заметила, что посетитель одет как-то странно, а теперь, услышав немецкую речь, окончательно убедилась в том, что перед ней иностранец. Решив, что он плохо себя чувствует, она принесла ему кружку солоноватой колодезной воды. Советник оперся головой на руку, глубоко вздохнул и задумался: куда же

все-таки он попал?

– Это вечерний «День»? – спросил он, просто чтобы сказать что-нибудь, увидев, как хозяйка убирает большой лист бумаги.

Она его не поняла, но все-таки протянула ему лист: это была старинная гравюра, изображавшая странное свечение неба, которое однажды наблюдали в Кёльне.

– Антикварная картина! – сказал советник, увидев гравюру, и сразу оживился: – Где вы достали эту редкость? Очень, очень интересно, хотя и сплошная выдумка. На самом деле это было просто северное сияние, как объясняют теперь ученые; и, вероятно, подобные явления вызываются электричеством.

Те, что сидели близко и слышали его слова, посмотрели на него с уважением; один человек даже встал, почтительно снял шляпу и сказал с самым серьезным видом:

– Вы, очевидно, крупный ученый, мосье?

– О нет, – ответил советник, – просто я могу поговорить о том о сем, как и всякий другой.

– Скромность – прекраснейшая добродетель, – изрек его собеседник. – Впрочем, о сути вашего высказывания я другого мнения, хотя и воздержусь пока делиться моим собственным суждением.

– Осмелюсь спросить, с кем имею удовольствие беседовать? – осведомился советник.

– Я бакалавр богословия, – ответил тот. Эти слова все объяснили советнику – незнакомец был одет в соответствии со своим ученым званием.

«Должно быть, это какой-то старый сельский учитель, – подумал он, – человек не от мира сего, каких еще можно встретить в отдаленных уголках Ютландии».

– Здесь, конечно, не место для ученых бесед, – говорил богослов, – но я все-таки очень прошу вас продолжать свою речь. Вы, конечно, весьма начитаны в древней литературе?

– О да! Вы правы, я частенько-таки почитываю древних авторов, то есть все их хорошие произведения; но очень люблю и новейшую литературу, только не «Обыкновенные истории»; их хватает и в жизни.

– Обыкновенные истории? – переспросил богослов.

– Да, я говорю об этих новых романах, которых столько теперь выходит.

– О, они очень остроумны и пользуются успехом при дворе, – улыбнулся бакалавр. – Король особенно любит романы об Ифвенте и Гаудиане, в которых рассказывается о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, и даже изволил шутить по этому поводу со своими приближенными.

– Этих романов я еще не читал, – сказал советник юстиции. – Должно быть, это Хольберг что-нибудь новое выпустил?

– Нет, что вы, не Хольберг, а Готфред фон Гемен, – ответил бакалавр.

– Так вот кто автор! – воскликнул советник. – Какое древнее имя! Ведь это наш первый датский книгопечатник, не так ли?

– Да, он наш первопечатник! – подтвердил богослов.

Таким образом, пока что все шло прекрасно. Когда один из горожан заговорил о чуме, свирепствовавшей в Дании несколько лет назад, а именно в 1484 году, советник подумал, что речь идет о недавней эпидемии холеры, и разговор благополучно продолжался. А после как было не вспомнить окончившуюся совсем недавно пиратскую войну 1490 года, когда английские каперы захватили стоящие на рейде датские корабли. Тут советник, вспомнив о событиях 1801 года, охотно присоединил свой голос к общим нападкам на англичан. Но дальше разговор что-то перестал

клеиться и все чаще прерывался гробовой тишиной. Добрый бакалавр был очень невежественный: самые простые суждения советника казались ему чем-то необычайно смелым и фантастичным. Собеседники смотрели друг на друга со все возрастающим недоумением, и, когда наконец окончательно перестали понимать один другого, бакалавр, пытаясь поправить дело, заговорил по-латыни, но это мало помогло.

– Ну, как вы себя чувствуете? – спросила хозяйка, потянув советника за рукав.

Тут он опомнился и в изумлении воззрился на своих собеседников, потому что за разговором совсем забыл, что с ним происходит.

«Господи, где я?» – подумал он, и при одной мысли об этом у него закружилась голова.

– Давайте пить кларет, мед и бременское пиво! – закричал один из гостей. – И вы с нами!

Вошли две девушки, одна из них была в двухцветном чепчике, они подливали гостям вино и низко приседали. У советника даже мурашки забегали по спине.

– Что же это такое? Что это такое? – шептал он, но вынужден был пить вместе со всеми.

Собутыльники так на него насели, что бедный советник пришел в совершеннейшее смятение, и когда кто-то сказал, что он, должно быть, пьян, ничуть в этом не усомнился и только попросил, чтобы ему наняли извозчика. Но все подумали, что он говорит по-московитски. В жизни советник не попадал в такую грубую и неотесанную компанию.

«Можно подумать, – говорил он себе, – что мы вернулись ко временам язычества. Нет, это ужаснейшая минута в моей жизни!»

Тут ему пришло в голову: а что, если залезть под стол, подползти к двери и улизнуть? Но когда он был уже почти у

цели, гуляки заметили, куда он ползет, и схватили его за ноги. К счастью, при этом у него с ног свалились калоши, а с ними рассеялось и волшебство.

При ярком свете фонаря советник отчетливо увидел большой дом и все соседние, узнал и Восточную улицу. Сам он лежал на тротуаре, упираясь ногами в чьи-то ворота, а рядом сидел ночной сторож:, спавший крепким сном.

– Господи! Значит, я заснул прямо на улице! – сказал советник.
– А вот и Восточная улица... Как здесь светло и красиво! Кто бы мог подумать, что один стакан пунша так подействует на меня!

Спустя две минуты советник уже ехал на извозчике в Христианову гавань. Всю дорогу он вспоминал пережитые им ужасы и от всего сердца благословлял счастливую действительность и свой век, который, несмотря на все его пороки и недостатки, все-таки был лучше средневековья, в котором ему только что довелось побывать. И надо сказать, что на этот раз советник юстиции мыслил вполне разумно.

3. Приключения ночного сторожа

Гм, кто-то оставил здесь свои калоши! – сказал сторож. – Это, наверно, лейтенант, что живет наверху. Вот ведь какой, бросил их у самых ворот!

Честный сторож, конечно, хотел было немедленно позвонить и отдать калоши их законному владельцу, тем более что у лейтенанта еще горел свет, но побоялся разбудить соседей.

– Ну и тепло, должно быть, ходить в таких калошах! – сказал сторож. – А кожа до чего мягкая!

Калоши пришлись ему как раз впору.

– И ведь как странно устроен мир! – продолжал он. – Взять хотя бы этого лейтенанта: мог бы сейчас преспокойно спать в теплой постели, так нет же, всю ночь шагает взад и вперед по комнате. Вот кому счастье! Нет у него ни жены, ни детей, ни тревог, ни

забот; каждый вечер по гостям разъезжает. Хорошо бы мне поменяться с ним местами: я бы тогда стал самым счастливым человеком на земле!

Не успел он это подумать, как волшебной силой калош мгновенно перевоплотился в того офицера, что жил наверху. Теперь он стоял посреди комнаты, держа в руках листок розовой бумаги со стихами, которые написал сам лейтенант.

БУДЬ Я БОГАТ

«Будь я богат, – мальчишкой я мечтал, –

Я непременно б офицером стал,

Носил бы форму, саблю и плюмаж!»

Но оказалось, что мечты – мираж.

Шли годы – эполеты я надел,

Но, к сожаленью, бедность – мой удел.

Веселым мальчиком, в вечерний час,

Когда, ты помнишь, я бывал у вас,

Тебя я детской сказкой забавлял,

Что составляло весь мой капитал.

Ты удивлялась, милое дитя,

И целовала губы мне шутя.

Будь я богат, я б и сейчас мечтал

О той, что безвозвратно потерял...

Она теперь красива и умна,

Но до сих пор сума моя бедна,

А сказки не заменят капитал,
Которого всевышний мне не дал.
Будь я богат, я б горечи не знал
И на бумаге скорбь не изливал,
Но в эти строки душу я вложил
И посвятил их той, которую любил.
В стихи мои вложил я пыл любви!
Бедняк я, бог тебя благослови!

Да, влюбленные вечно пишут подобные стихи, но люди благоразумные их все-таки не печатают. Чин лейтенанта, любовь и бедность – вот злополучный треугольник или, вернее, треугольная половина игральной кости, брошенной на счастье и расколовшейся. Так думал и лейтенант, опустив голову на подоконник и тяжело вздыхая: «Бедняк сторож и тот счастливей, чем я. Он не знает моих мучений. У него есть домашний очаг, а жена и дети делят с ним и радость и горе. Ах, как бы мне хотелось быть на его месте, ведь он гораздо счастливей меня!»

И в тот же миг ночной сторож снова стал ночным сторожем: ведь офицером он сделался лишь благодаря калошам, но, как мы видели, не стал от этого счастливее и захотел вернуться в свое прежнее состояние. И очень вовремя!

«Какой скверный сон мне приснился, – подумал он. – А впрочем, довольно забавный. Надо же, я стал тем самым лейтенантом, который живет у нас наверху. И до чего же скучно он живет! Как мне не хватало жены и ребятишек: кто-кто, а они всегда готовы зацеловать меня до смерти».

Ночной сторож сидел на прежнем месте и кивал в такт своим мыслям. Сон никак не выходил у него из головы, а на ногах все еще были надеты калоши счастья. По небу покати́лась звезда.

«Ишь как покатилась, – сказал себе сторож. – Ну ничего, их там еще много осталось. А хорошо бы увидеть поближе все эти небесные штуковины. Особенно луну...».

Он так размечтался, что палка со звездой на конце – у нас ее прозвали утренней звездой – выпала у него из рук, а глаза уставились на луну, но вот они закрылись, веки слиплись, и сторож; начал клевать носом.

– Эй, сторож, который час? – спросил какой-то прохожий.

Не дождавшись ответа, он слегка щелкнул спящего по носу. Тело сторожа потеряло равновесие и во всю длину растянулось на тротуаре.

Решив, что сторож умер, прохожий пришел в ужас и поспешил сообщить об этом куда следует. Сторожа отвезли в больницу, и там с него первым делом, конечно, сняли калоши.

А как только сняли калоши, волшебство рассеялось, и сторож немедленно ожил. Потом он уверял, что это была самая бредовая ночь в его жизни. Он даже за две марки не согласился бы вновь пережить все эти ужасы. Впрочем, теперь все это позади.

Сторожа выписали в тот же день, а калоши остались в больнице.

4. Приключения молодого медика

Каждый житель Копенгагена много раз видел главный вход в главную городскую больницу, но так как эту историю, возможно, будут читать не только копенгагенцы, нам придется дать кое-какие разъяснения.

Дело в том, что больницу отделяет от улицы довольно высокая решетка из толстых железных прутьев. Прутья эти расставлены так редко, что многие практиканты, если только они худощавы, ухитряются протиснуться между ними, когда в неурочный час хотят выбраться в город. Трудней всего им просунуть голову, так что и в этом случае, как, впрочем, нередко бывает в жизни, большеголовым приходилось труднее всего... Ну, для вступления об

этом хватит.

В тот вечер в главной больнице как раз дежурил один молодой медик, о котором хоть и можно было сказать, что «голова у него большая», но... лишь в самом прямом смысле слова.

Шел проливной дождь; однако, невзирая на непогоду и дежурство, медик все-таки решил сбегать в город по каким-то неотложным делам хотя бы на четверть часика.

«Незачем, – думал он, – связываться с привратником, если можно легко пролезть сквозь решетку».

В вестибюле все еще валялись калоши, забытые сторожем. В такой ливень они были очень кстати, и медик надел их, не догадываясь, что это калоши счастья. Теперь осталось только протиснуться между железными прутьями, чего ему еще ни разу не приходилось делать.

– Господи, только бы просунуть голову, – промолвил он.

И в тот же миг голова его, хотя и очень большая, благополучно проскочила между прутьями – не без помощи калош, разумеется. Теперь дело было за туловищем, но ему никак не удавалось пролезть.

– Ух, какой я толстый! – сказал студент. – А я-то думал, что голову просунуть всего труднее будет. Нет, не пролезть мне!

Он хотел было сразу же втянуть голову обратно, но не тут-то было: она застряла безнадежно, он мог лишь крутить ее сколько угодно и без всякого толка. Сначала медик просто рассердился, но вскоре настроение его испортилось вконец: калоши поставили его прямо-таки в ужасное положение.

К несчастью, он никак не догадывался, что надо просто пожелать освободиться, и сколько ни вертел головой, она не пролезала обратно.

Дождь все лил и лил, и на улице не было ни души. До звонка к

дворнику все равно никак было не дотянуться, а сам освободиться он не мог. Он думал, что, чего доброго, придется простоять так до утра: ведь только утром можно будет послать за кузнецом, чтобы он перепилил решетку. И вряд ли удастся перепилить ее быстро, а на шум сбегутся школьники, все окрестные жители, – да, да, сбегутся и будут глазеть на медика, который прикован к решетке, как преступник к позорному столбу! Глазеть, как в прошлом году на огромную агаву, когда она расцвела.

– Ой, кровь так и приливает к голове. Нет, я так с ума сойду! Просто сойду с ума! Ох, только бы мне освободиться!

Давно нужно было медику сказать это: в ту же минуту голова его освободилась, и он стремглав кинулся назад, совершенно обезумев от страха, в который повергли его калоши счастья. Но если вы думаете, что этим дело и кончилось, то глубоко ошибаетесь. Почувствовав себя худо, наш медик решил, что простудился там, у больницы ограды, и решил немедленно взяться за лечение.

«Говорят, в таких случаях всего полезнее русская баня, – вспомнил он. – Ах, если бы я уже лежал на полке».

И само собой он тут же очутился в бане на самом верхнем полке. Но лежал он там совсем одетый, в сапогах и калошах, а с потолка на лицо ему капала горячая вода.

– Ой! – закричал медик и побежал скорее принять душ.

Банщик тоже закричал: он испугался, увидев в бане одетого человека.

К счастью, медик, не растерявшись, шепнул ему:

– Не бойся, это я на пари. Вернувшись домой, медик первым делом поставил себе один большой пластырь из шпанских мушек на шею, а другой на спину, чтобы вытянуть дурь из головы.

Наутро вся спина у него набухла кровью – вот и все, чем его

облагодетельствовали калоши счастья. Этого умника с большой головой – с «большой», да только в самом прямом смысле слова.

5. Превращения незадачливого писаря

Между тем наш знакомый сторож вспомнил про калоши, которые нашел на улице, а потом оставил в больнице, и забрал их оттуда. Но ни лейтенант, ни соседи не признали этих калош своими, и сторож отнес их в полицию.

– Да они как две капли воды похожи на мои! – сказал один из полицейских писарей, поставив находку рядом со своими калошами и внимательно ее рассматривая. – Тут и опытный глаз сапожника не отличил бы одну пару от другой.

– Господин писарь... – обратился к нему полицейский, вошедший с какими-то бумагами.

Писарь поговорил с ним, а когда опять взглянул на обе пары калош, то уж: и сам перестал понимать, которая из них его пара – та, что стоит справа, или та, что слева.

«Мои, должно быть, вот эти, мокрые», – подумал он и ошибся: это были как раз калоши счастья.

Что же, полиция тоже иногда ошибается.

Писарь надел калоши и, сунув одни бумаги в карман, а другие – под мышку (ему нужно было кое-что перечитать и переписать дома), вышел на улицу. День был воскресный, стояла чудесная погода, и полицейский писарь подумал, что неплохо было бы прогуляться по Фредериксбергу.

Молодой человек отличался редким прилежанием и усидчивостью, так что пожелаем ему приятной прогулки после многих часов работы в душной канцелярии.

Сначала он шел, ни о чем не думая, и калошам поэтому все не представлялось удобного случая проявить свою чудодейственную силу.

Но вот он повстречал в одной аллее своего знакомого, молодого поэта, и тот сказал, что завтра отправляется путешествовать на все лето.

– Эх, вот вы опять уезжаете, а мы остаемся, – сказал писарь. – Счастливые вы люди, летаете себе где хотите и куда хотите, а у нас цепи на ногах.

– Да, но ими вы прикованы к хлебному дереву, – возразил поэт. – Вам нет нужды заботиться о завтрашнем дне, а когда вы состаритесь, получите пенсию.

– Так-то так, но вам все-таки живется гораздо привольнее, – сказал писарь. – Писать стихи – что может быть лучше! Публика носит вас на руках, и вы сами себе господа. А вот попробовали бы вы посидеть в суде, как мы сидим, да повозиться с этими скучнейшими делами!

Поэт покачал головой, писарь тоже покачал головой, и они разошлись в разные стороны, оставшись каждый при своем мнении.

«Удивительный народ эти поэты, – думал молодой чиновник. – Хотелось бы поближе познакомиться с такими натурами, как он, и самому стать поэтом. Будь я на их месте, я бы в своих стихах не стал хныкать. Ах, какой сегодня чудесный весенний день, сколько в нем красоты, свежести, поэзии! Какой необыкновенно прозрачный воздух! Какие причудливые облака! А трава и листья так сладостно благоухают! Никогда я так остро не ощущал этого, как сейчас».

Вы, конечно, заметили, что он уже стал поэтом. Но внешне совсем не изменился – нелепо думать, что поэт не такой же человек, как все прочие. Среди простых людей часто встречаются натуры гораздо более поэтические, чем многие прославленные поэты. Только у поэтов гораздо лучше развита память, и все идеи, образы, впечатления хранятся в ней до тех пор, пока не найдут своего поэтического выражения на бумаге. Когда у простого человека проявляется его поэтически одаренная натура, происходит своего рода превращение, и такое именно превращение

произошло с писарем.

«Какое восхитительное благоухание! – думал он. – Оно напоминает мне фиалки у тетушки Лоны. Я был тогда еще совсем маленьким. Господи, и как это я ни разу не вспомнил о ней раньше! Добрая старая тетушка! Она жила как раз за Биржей. Всегда, даже в самую лютую стужу, на окнах у нее зеленели в банках какие-нибудь веточки или росточки, фиалки наполняли комнату ароматом; а я прикладывал нагретые медяки к обледенелым стеклам, чтобы можно было смотреть на улицу. Какой вид открывался из этих окон! На канале стояли вмерзшие в лед корабли, огромные стаи ворон составляли весь их экипаж. Но с наступлением весны суда преображались. С песнями и криками «ура!» матросы обкалывали лед: корабли смолили, оснащали всем, чем нужно, и они наконец уплывали в заморские страны. Они-то уплывают, а я вот остаюсь здесь; и так будет всегда; всегда я буду сидеть в полицейской канцелярии и смотреть, как другие получают заграничные паспорта. Да, таков мой удел! – И он глубоко-глубоко вздохнул, но потом вдруг опомнился: – Что это такое со мной делается сегодня? Раньше мне ничего подобного и в голову не приходило. Верно, это весенний воздух так на меня действует. А сердце сжимается от какого-то сладостного волнения».

Он полез в карман за своими бумагами. «Возьмусь за них, буду думать о чем-нибудь другом», – решил он и пробежал глазами первый попавшийся под руку лист бумаги.

– «Фру Зигбрит, оригинальная трагедия в пяти действиях», – прочитал он. – Что такое? Странно, почерк мой! Неужели это я написал трагедию? А это еще что? «Интрига на балу, или Большой праздник, водевиль». Но откуда все это у меня? Наверное, кто-нибудь подсунул. Да тут еще письмо...

Письмо прислала дирекция одного театра; она не очень вежливо извещала автора, что обе его пьесы никуда не годятся.

– Гм, – произнес писарь, усаживаясь на Скамейку. В голову его

вдруг хлынуло множество мыслей, а сердце исполнилось неизъяснимой неясности... к чему – он и сам не знал. Машинально он сорвал цветок и залюбовался им. Это была простая маленькая маргаритка, но она в течение одной минуты сообщила ему о себе больше, чем можно узнать, выслушав несколько лекций по ботанике. Она рассказала ему предание о своем рождении, рассказала о том, как могуч солнечный свет, – ведь это благодаря ему распустились и заблагоухали ее нежные лепестки. А поэт в это время думал о суровой жизненной борьбе, пробуждающей в человеке неведомые ему силы и чувства. Воздух и свет – возлюбленные маргаритки, но свет – ее главный покровитель, перед ним она благоговеет; а когда он уходит вечером, она засыпает в объятиях воздуха.

– Свет одарил меня красотой! – сказала маргаритка.

– А воздух дает тебе жизнь! – шепнул ей поэт. Неподалеку стоял мальчуган и хлопал палкой по воде в грязной канаве – брызги разлетались в разные стороны. Писарь задумался вдруг о тех миллионах, живых, невидимых простым глазом существ, которые взлетают вместе с водяными каплями на огромную, по сравнению с их собственными размерами, высоту, – вот как если бы мы, например, очутились над облаками. Размышляя об этом, а также о своем превращении, наш писарь улыбнулся: «Я просто сплю и вижу сон. Но какой это все-таки удивительный сон! Оказывается, можно грезить наяву, сознавая, что это тебе только снится. Хорошо бы вспомнить обо всем этом завтра утром, когда я проснусь. Какое странное состояние! Сейчас я всё вижу так четко, так ясно, чувствую себя таким бодрым и сильным – и в то же время хорошо знаю, что, если утром попытаюсь что-нибудь припомнить, в голову мне ползет только чепуха. Сколько раз это бывало со мной! Все эти чудесные вещи похожи на сокровища гномов: ночью, когда их получаешь, они кажутся драгоценными камнями, а днем превращаются в кучу щебня и увядших листьев».

Вконец расстроенный, писарь грустно вздыхал, поглядывая на птичек, которые весело распевали свои песенки, перепархивая с ветки на ветку.

«И им живется лучше, чем мне. Уметь летать – какая чудесная способность! Счастлив тот, кто ею одарен. Если бы только я мог превратиться в птичку, я бы стал вот таким маленьким жаворонком!»

И в ту же минуту рукава и фалды его сюртука превратились в крылья и обросли перьями, а вместо калош появились коготки. Он сразу заметил все эти превращения и улыбнулся.

«Ну, теперь я убедился, что это сон. Но таких дурацких снов мне еще не приходилось видеть», – подумал он, взлетел на зеленую ветку и запел.

Однако- в его пении уже не было поэзии, так как он перестал быть поэтом: калоши выполняли только одно дело зараз. Захотел писарь стать поэтом – стал, захотел превратиться в птичку – превратился, но зато утратил свои прежние свойства.

«Забавно, нечего сказать! – подумал он. – Днем я сижу в полицейской канцелярии, занимаясь важнейшими делами, а ночью мне снится, что я жаворонком летаю по Фредериксбергскому парку. Да об этом, черт возьми, можно написать целую народную комедию!»

И он слетел на траву, завертел головкой и принялся весело клевать гибкие травинки, казавшиеся ему теперь огромными африканскими пальмами. Внезапно вокруг него стало темно, как ночью; ему почудилось, будто на него набросили какое-то гигантское одеяло! На самом же деле это мальчик из слободки накрыл его своей шапкой. Мальчик запустил руку под шапку и схватил писаря за спинку и крылья. Тот сначала запищал от страха, потом вдруг возмутился:

– Ах ты негодный щенок! Как ты смеешь! Я полицейский писарь!

Но мальчишка услышал только жалобное «пи-и, пи-и-и». Он щелкнул птичку по клюву и пошел с нею дальше, на горку.

По дороге он встретил двух школьников; оба они были в высшем

классе по своему положению в обществе и в низшем – по умственному развитию и успехам в науках. Они купили жаворонка за восемь скиллингов. Таким образом, полицейский писарь вернулся в город и оказался в одной квартире на Готской улице.

– Черт побери, хорошо, что это сон, – сказал писарь, – а не то я бы здорово рассердился! Сначала я стал поэтом, потом – жаворонком. И ведь это моя поэтическая натура внушила мне желание превратиться в такую малютку. Однако невеселая это жизнь, особенно когда попадешь в лапы к подобным сорванцам. Ох, чем все это кончится?

Мальчики принесли его в красиво обставленную комнату, где их встретила толстая улыбающаяся женщина. Она ничуть не обрадовалась простой полевой птичке, как она назвала жаворонка, тем не менее разрешила мальчикам оставить его и посадить в маленькую клетку на подоконнике;

– Быть может, он немного развлечет попochку! – добавила она и с улыбкой взглянула на большого зеленого попугая, который важно покачивался на кольце в роскошной металлической клетке. – Сегодня у попochки день рождения, – сказала она, глупо улыбаясь, – и полевая птичка хочет его поздравить.

Попугай, ничего на это не ответив, все так же важно раскачивался взад и вперед. В это время громко запела красивая канарейка, которую сюда привезли прошлым летом из теплой и благоухающей родной страны.

– Ишь крикунья! – сказала хозяйка и набросила на клетку белый носовой платок.

– Пи-пи! Какая ужасная метель! – вздохнула канарейка и умолкла.

Писаря, которого хозяйка назвала полевой птичкой, посадили в маленькую клетку, рядом с клеткой канарейки и по соседству с попугаем. Попугай мог внятно выговаривать одну фразу, нередко звучавшую очень комично: «Нет, будем людьми!», а все остальное

получалось у него так же невразумительно, как щебет канарейки. Впрочем, писарь, превратившись в птичку, отлично понимал своих новых знакомых.

– Я порхала над зеленой пальмой и цветущим миндальным деревом, – пела канарейка. – Вместе с братьями и сестрами я летала над чудесными цветами и зеркальной гладью озер, и нам. приветливо кивали отражения прибрежных кустов. Я видела стаи разноцветных попугаев, которые рассказывали множество чудеснейших историй.

– Это дикие птицы, – отозвался попугай, – не получившие никакого образования. Нет, будем людьми! Что же ты не смеешься, глупая птица? Если этой остроте смеется сама хозяйка и ее гости, так почему бы не посмеяться и тебе? Не ценить хороших острот – это очень большой порок, должен вам сказать. Нет, будем людьми!

– А ты помнишь красивых девушек, что плясали под сенью цветущих деревьев? Помнишь сладкие плоды и прохладный сок диких растений?

– Конечно, помню, – отвечал попугай, – но здесь мне гораздо лучше! Меня прекрасно кормят и всячески ублажают. Я знаю, что я умен, и с меня довольно. Нет, будем людьми! У тебя, что называется, поэтическая натура, а я сведущ в науках и остроумен. В тебе есть гениальность, но не хватает рассудительности. Ты метишь слишком высоко, поэтому люди тебя осаживают. Со мной они так поступать не станут, потому что я обошелся им дорого. Я внушаю уважение уже одним своим клювом, а болтовней своей могу кого угодно поставить на место. Нет, будем людьми!

– О моя теплая, цветущая родина, – пела канарейка, – я буду петь о твоих темно-зеленых деревьях, чьи ветви целуют прозрачные воды тихих заливов, о светлой радости моих братьев и сестер, о вечнозеленых хранителях влаги в пустыне – кактусах.

– Перестань хныкать! – проговорил попугай. – Скажи лучше что-

нибудь смешное. Смех – это знак высокого духовного развития. Вот разве могут, к примеру, смеяться собака или лошадь? Нет, они могут только хныкать, а способностью смеяться одарен лишь человек. Ха-ха-ха, будем людьми! – расхохотался попочка.

– И ты, маленькая серая датская птичка, – сказала канарейка жаворонку, – ты тоже стала пленницей. В твоих лесах, наверное, холодно, но зато в них ты свободна. Лети же отсюда! Смотри, они забыли запереть твою клетку! Форточка открыта, лети же – скорей, скорей!

Писарь так и сделал, вылетел из клетки и уселся возле нее.

В этот миг дверь в соседнюю комнату открылась, и на пороге появилась кошка, гибкая, страшная, с зелеными горящими глазами. Кошка уже совсем было приготовилась к прыжку, но канарейка заметалась в клетке, а попугай захлопал крыльями и закричал:

– Нет, будем людьми!

Писарь похолодел от ужаса и, вылетев в окно, полетел над домами и улицами. Летел, летел, наконец устал, и вот увидел дом, который показался ему знакомым. Одно окно в доме было открыто. Писарь влетел в комнату и уселся на стол.

К своему изумлению, он увидел, что это его собственная комната.

– Нет, будем людьми! – машинально повторил он излюбленную фразу попугая и в ту же минуту вновь стал полицейским писарем, только зачем-то усевшимся на стол.

– Господи помилуй, – сказал писарь, – как это я попал на стол, да еще заснул? И какой дикий сон мне приснился! Какая чепуха!

6. Конец

На другой день рано утром, когда писарь еще лежал в постели, в дверь постучали, и вошел его сосед, снимавший комнату на том

же этаже, – молодой студент-философ.

– Одолжи мне, пожалуйста, твои калоши, – сказал он. – Хоть в саду и сыро, да больно уж ярко светит солнышко. Хочу туда сойти выкурить трубочку.

Он надел калоши и вышел в сад, в котором росло только два дерева – слива и груша; впрочем, далее столь скудная растительность в Копенгагене большая редкость.

Студент прохаживался взад и вперед по дорожке. Время было раннее, всего шесть часов утра. На улице заиграл рожок почтового дилижанса.

– О, путешествовать, путешествовать! – вырвалось у него. – Что может быть прекраснее! Всю жизнь я мечтал о путешествиях. Как хочется уехать подальше отсюда, увидеть волшебную Швейцарию, поездить по Италии!

Хорошо еще, что калоши счастья выполнили желания немедленно, а то бы студент, пожалуй, забрался слишком далеко и для себя самого, и для нас с вами. В тот же миг он уже путешествовал по Швейцарии, упрятанный в почтовый дилижанс вместе с восемью другими пассажирами. Голова у него трещала, шею ломило, ноги затекли и болели, потому что сапоги жали немилосердно. Он не спал и не бодрствовал, но был в состоянии какого-то мучительного оцепенения. В правом кармане у него лежал аккредитив, в левом – паспорт, а в кожаном мешочке на груди было зашито несколько золотых.

Стоило нашему путешественнику клюнуть носом, как ему тут же начинало мерещиться, что он уже потерял одно из этих сокровищ, и тогда его бросало в дрожь, а рука его судорожно описывала треугольник – справа налево и на грудь, – чтобы проверить, все ли цело. В сетке над головами пассажиров болтались зонтики, палки, шляпы, и это мешало студенту наслаждаться прекрасным горным пейзажем. Но он все смотрел, смотрел и не мог насмотреться, а в сердце его звучали строки стихотворения, которое написал, хотя и не стал печатать, один известный нам

швейцарский поэт:

Прекрасный край! Передо мной Монблан белеет вдалеке, Здесь был бы, право, рай земной, Будь больше денег в кошельке.

Природа здесь была мрачная, суровая и величественная. Хвойные леса, покрывавшие заоблачные горные вершины, издали казались просто зарослями вереска. Пошел снег, подул резкий, холодный ветер.

– Ух! – вздохнул студент. – Если бы мы уже были по ту сторону Альп! Там теперь наступило лето, и я наконец получил бы по аккредитиву свои деньги. Я так за них боюсь, что все эти альпийские красоты перестали меня пленять. Ах, если б я уже был там!

И он немедленно очутился в самом сердце Италии, где-то на дороге между Флоренцией и Римом.

Последние лучи солнца озаряли лежащее между двумя темно-синими холмами Тразименское озеро, превращая его воды в расплавленное золото. Там, где некогда Ганнибал разбил Фламиния, теперь виноградные лозы мирно обвивали друг друга своими зелеными плетями. У дороги, под сенью благоухающих лавров, прелестные полуголые ребятишки пасли стадо черных как смоль свиней.

Да, если бы описать эту картину как следует, все бы только и твердили: «Ах, восхитительная Италия!»

Но, как ни странно, ни студент, ни его спутники этого не думали. Тысячи ядовитых мух и комаров тучами носились в воздухе; напрасно путешественники обмахивались миртовыми ветками, насекомые все равно кусали и жалили их. В карете не было человека, у которого не распухло бы все лицо, искусанное в кровь. У лошадей был еще более несчастный вид: бедных животных сплошь облепили огромные насекомые, так что кучер время от времени слезал с козел и отгонял от лошадей их мучителей, но уже спустя мгновение налетали новые.

Скоро зашло солнце, и путешественников охватил пронизывающий холод – правда, ненадолго, но все равно это было не слишком приятно. Зато вершины гор и облака окрасились в непередаваемо красивые зеленые тона, отливающие блеском последних солнечных лучей. Эта игра красок не поддается описанию, ее нужно видеть. Зрелище изумительное, все с этим согласилось, но в желудке у каждого было пусто, тело устало, душа жаждала приюта на ночь, а где его найти? Теперь все эти вопросы занимали и путешественников гораздо больше, чем красоты природы.

Дорога проходила через оливковую рощу, и казалось, что едешь где-нибудь у себя на родине, между знакомыми голубыми ивами. Вскоре карета подъехала к одинокой гостинице. У ворот ее сидело множество нищих-калек, даже самый бодрый из них казался страшным сыном голода. Словно сама нищета тянулась к путникам из этой кучи тряпья и лохмотьев.

– Господин, помогите несчастным! – хрипели они, протягивая руки за подаянием.

Путешественников встретила хозяйка гостиницы, босая, нечесаная, в грязной кофте. Двери в комнатах держались на веревках, под потолком порхали летучие мыши, кирпичный пол был весь в выбоинах, а вонь стояла такая, что хоть топор вешай.

– Лучше бы уж она накрыла нам стол в конюшне, – сказал кто-то из путешественников. – Там по крайней мере знаешь, чем дышишь.

Открыли окно, чтобы впустить свежего воздуха, но тут в комнату протянулись иссохшие руки и послышалось опять:

– Господин, помогите несчастным!

Стены комнаты были сплошь исписаны, и половина надписей ругательски ругала «прекрасную Италию».

Принесли обед; водянистый суп с перцем и прогорклым оливковым маслом, потом приправленный таким же маслом салат и, наконец, несвежие яйца и жареные петушиные гребешки – в качестве

украшения пиршества. Даже вино казалось не вином, а какой-то микстурой.

На ночь дверь забаррикадировали чемоданами, и одному путешественнику поручили стоять на часах, а остальные уснули. Часовым был выбран студент-философ. Ну и духота стояла в комнате! Жара нестерпимая, комары, а тут еще стоны нищих под окном, которые даже ночью не давали покою.

«Нет, уж лучше умереть, чем выносить всю эту муку, – подумал студент. – Так хочется спать. Спать, спать, спать и не просыпаться».

Не успел он так подумать, как очутился у себя дома. На окнах висели длинные белые занавески, посреди комнаты на полу стоял черный гроб, а в нем смертным сном спал он сам. Его желание исполнилось.

В этот миг в комнате появились две женщины. Мы их знаем: то были фея Печали и вестница Счастья, и они склонились над умершим.

– Ну, – спросила Печаль, – много счастья принесли человечеству твои калоши?

– Что ж, тому, кто лежит здесь, они, по крайней мере, дали вечный покой! – ответила фея Счастья.

– О нет, – сказала Печаль. – Он сам ушел из мира раньше своего срока. Но я окажу ему благодеяние! – И она стащила калоши со студента.

Смертный сон прервался. Студент-философ проснулся и встал. Фея Печали исчезла, а с ней и калоши. Должно быть, она решила, что теперь они будут принадлежать ей.

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Новое платье короля

Много лет назад жил-был король, который страсть как любил наряды и обновки и все свои деньги на них тратил. И к солдатам своим выходил, и в театр выезжал либо в лес на прогулку не иначе как затем, чтобы только в новом наряде щегольнуть. На каждый час дня был у него особый камзол, и как про королей говорят: “Король в совете”, так про него всегда говорили: “Король в гардеробной”

Город, в котором жил король, был большой и бойкий, что ни день приезжали чужестранные гости, и как-то раз заехали двое обманщиков. Они сказались ткачами и заявили, что могут выткать замечательную ткань, лучше которой и помыслить нельзя. И расцветкой-то она необыкновенно хороша, и узором, да и к тому же платье, сшитое из этой ткани, обладает чудесным свойством становиться невидимым для всякого человека, который не на своем месте сидит или непроходимо глуп.

“Вот было бы замечательное платье! – подумал король. – Надел такое платье – и сразу видать, кто в твоём королевстве не на своем месте сидит. А еще я смогу отличать умных от глупых! Да, пусть мне поскорее соткут такую ткань!”

И он дал обманщикам много денег, чтобы они немедленно приступили к работе.

Обманщики поставили два ткацких станка и ну показывать, будто работают, а у самих на станках ровнехонько ничего нет. Не церемонясь, потребовали они тончайшего шелку и чистейшего золота, прикарманили все и продолжали работать на пустых станках до поздней ночи.

“Хорошо бы посмотреть, как подвигается дело!” – подумал король, но таково-то смутно стало у него на душе, когда он вспомнил, что глупец или тот, кто не годится для своего места, не увидит ткани. И хотя верил он, что за себя-то ему нечего бояться, все же рассудил, что лучше послать на разведку кого-нибудь еще.

Ведь весь город уже знал, каким чудесным свойством обладает ткань, и каждому не терпелось убедиться, какой никудышный или глупый его сосед.

“Пошлю к ткачам своего честного старого министра! – решил король. – Уж кому-кому, как не ему, рассмотреть ткань, ведь он умен и как никто лучше подходит к своему месту!..”

И вот пошел бравый старый министр в зал, где два обманщика работали на пустых станках.

“Господи помилуй! – подумал старый министр, вытаращив глаза. – Ведь я ничего-таки не вижу!”

Но вслух он этого не сказал.

А обманщики приглашают его подойти поближе, спрашивают, веселы ли краски, хороши ли узоры, и при этом все указывают на пустые станки, а бедняга министр, как ни таращил глаза, все равно ничего не увидел, потому, что и видеть-то было нечего.

“Господи боже! – думал он. – Неужто я глупец? Вот уж никогда не думал! Только чтоб никто не узнал! Неужто я не гожусь для своего места. Нет, никак нельзя признаться, что я не вижу

ткани!”

– Что ж вы ничего не скажете? – спросил один из ткачей.

– О, это очень мило! Совершенно очаровательно! – сказал старый министр, глядя сквозь очки. – Какой узор, какие краски!.. Да, да, я доложу королю, что мне чрезвычайно нравится!

– Ну что ж, мы рады! – сказали обманщики и ну называть краски, объяснять редкостные узоры. Старый министр слушал и запоминал, чтобы в точности все доложить королю.

Так он и сделал.

А обманщики потребовали еще денег, шелку и золота: дескать, все это нужно им для тканья. Но все это они опять прикарманили, на ткань не пошло ни нитки, а сами по-прежнему продолжали ткать на пустых станках.

Скоро послал король другого честного чиновника посмотреть, как идет дело, скоро ли будет готова ткань. И с этим случилось то же, что и с министром, он все смотрел, смотрел, но так ничего и не высмотрел, потому что, кроме пустых станков, ничего и не было.

– Ну как? Правда, хороша ткань? – спрашивают обманщики и ну объяснять-показывать великолепный узор, которого и в помине не было.

“Я не глуп! – подумал чиновник. – Так, стало быть, не подхожу к доброму месту, на котором сию? Странно! Во всяком случае, нельзя и виду подавать!”

И он стал расхваливать ткань, которой не видел, и выразил свое восхищение прекрасной расцветкой и замечательным узором.

– О да, это совершенно очаровательно! – доложил он королю.

И вот уж весь город заговорил о том, какую великолепную ткань соткали ткачи. А тут и сам король надумал посмотреть на нее,

пока она еще не снята со станка.

С целой толпой избранных придворных, среди них и оба честных старых чиновника, которые уже побывали там, вошел он к двум хитрым обманщикам. Они ткали изо всех сил, хотя на станках не было ни нитки.

– Великолепно! Не правда ли? – сказали оба бравых чиновника. – Соизволите видеть, ваше величество, какой узор, какие краски!

И они указали на пустой станок, так как думали, что другие-то уж непременно увидят ткань.

“Что такое? – подумал король. – Я ничего не вижу! Это ужасно. Неужто я глуп? Или не гожусь в короли? Хуже не придумаешь!”

– О, это очень красиво! – сказал король. – Даю свое высочайшее одобрение!

Он довольно кивал и рассматривал пустые станки, не желая признаться, что ничего не видит. И вся его свита глядела, глядела и тоже видела не больше всех прочих, но говорила вслед за королем: “О, это очень красиво!” – и советовала ему сшить из новой великолепной ткани наряд к предстоящему торжественному шествию. “Это великолепно! Чудесно! Превосходно!” – только и слышалось со всех сторон. Все были в совершенном восторге. Король пожаловал каждому из обманщиков рыцарский крест в петлицу и удостоил их звания придворных ткачей.

Всю ночь накануне торжества просидели обманщики за шитьем и сожгли больше шестнадцати свечей. Всем видно было, что они очень торопятся управиться в срок с новым нарядом короля. Они делали вид, будто снимают ткань со станков, они резали воздух большими ножницами, они шили иглой без нитки и наконец, сказали:

– Ну вот наряд и готов!

Король вошел к ним со своими самыми знатными придворными, и

обманщики, высоко поднимая руки, как будто держали в них что-то, говорили:

– Вот панталоны! Вот камзол! Вот мантия! – И так далее. – Все легкое, как паутинка! В пору подумать, будто на теле и нет ничего, но в этом-то и вся хитрость!

– Да, да! – говорили придворные, хотя они ровно ничего не видели, потому что и видеть-то было нечего.

– А теперь, ваше королевское величество, соблаговолите снять ваше платье! – сказали обманщики. – Мы оденем вас в новое, вот тут, перед большим зеркалом!

Король разделся, и обманщики сделали вид, будто надевают на него одну часть новой одежды за другой. Они обхватили его за талию и сделали вид, будто прикрепляют что-то, – это был шлейф, и король закрутился-завертелся перед зеркалом.

– Ах, как идет! Ах, как дивно сидит! – в голос говорили придворные. – Какой узор, какие краски! Слов нет, роскошное платье!

– Балдахин ждет, ваше величество! – доложил обер-церемониймейстер. – Его понесут над вами в процессии.

– Я готов, – сказал король. – Хорошо ли сидит платье?

И он еще раз повернулся перед зеркалом – ведь надо было показать, что он внимательно рассматривает наряд.

Камергеры, которым полагалось нести шлейф, пошарили руками по полу и притворились, будто приподнимают шлейф, а затем пошли с вытянутыми руками – они не смели и виду подать, что нести-то нечего.

Так и пошел король во главе процессии под роскошным балдахином, и все люди на улице и в окнах говорили:

– Ах, новый наряд короля бесподобен! А шлейф-то, какой

красивый. А камзол-то как чудно сидит!

Ни один человек не хотел признаться, что он ничего не видит, ведь это означало бы, что он либо глуп, либо не на своем месте сидит. Ни одно платье короля не вызывало еще такого восторга.

– Да ведь король голый! – сказал вдруг какой-то ребенок.

– Господи боже, послушайте-ка, что говорит невинный младенец!
– сказал его отец.

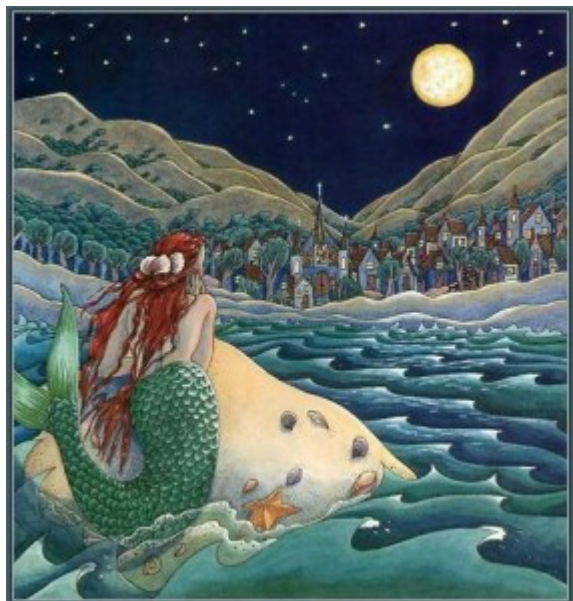
И все стали шепотом передавать друг другу слова ребенка.

– Он голый! Вот ребенок говорит, что он голый!

– Он голый! – закричал, наконец, весь народ. И королю стало не по себе: ему казалось, что люди правы, но он думал про себя: “Надо же выдержать процессию до конца”.

И он выступал еще величавее, а камергеры шли за ним, неся шлейф, которого не было.

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Русалочка

Далеко в море вода синяя-синяя, как лепестки самых красивых васильков, и прозрачная-прозрачная, как самое чистое стекло, только очень глубока, так глубока, что никакого якорного каната не хватит. Много колоколен надо поставить одну на другую, только тогда верхняя выглянет на поверхность. Там на дне живет подводный народ.

Только не подумайте, что дно голое, один только белый песок. Нет, там растут невиданные деревья и цветы с такими гибкими стеблями и листьями, что они шевелятся, словно живые, от малейшего движения воды. А между ветвями снуют рыбы, большие и маленькие, совсем как птицы в воздухе у нас наверху. В самом глубоком месте стоит дворец морского царя – стены его из кораллов, высокие стрельчатые окна из самого чистого янтаря, а крыша сплошь раковины; они то открываются, то закрываются, смотря по тому, прилив или отлив, и это очень красиво, ведь в каждой лежат сияющие жемчужины – одна-единственная была бы великим украшением в короне любой королевы.

Царь морской давным-давно овдовел, и хозяйством у него заправляла старуха мать, женщина умная, только больно уж гордившаяся своей родовитостью: на хвосте она носила целых двенадцать устриц, тогда как прочим вельможам полагалось только шесть. В остальном же она заслуживала всяческой похвалы, особенно потому, что души не чаяла в своих маленьких

внучках – принцессах. Их было шестеро, все прехорошенькие, но милее всех самая младшая, с кожей чистой и нежной, как лепесток розы, с глазами синими и глубокими, как море. Только у нее, как у остальных, ног не было, а вместо них был хвост, как у рыб.

День-деньской играли принцессы во дворце, в просторных палатах, где из стен росли живые цветы. Раскрывались большие янтарные окна, и внутрь врывались рыбы, совсем как у нас ласточки влетают в дом, когда окна стоят настежь, только рыбы подплывали прямо к маленьким принцессам, брали из их рук еду и позволяли себя гладить.

Перед дворцом был большой сад, в нем росли огненно красные и темно-синие деревья, плоды их сверкали золотом, цветы – горячим огнем, а стебли и листья непрерывно колыхались. Земля была сплошь мелкий песок, только голубоватый, как серное пламя. Все там внизу отдавало в какую-то особенную синеву, – впору было подумать, будто стоишь не на дне морском, а в воздушной вышине, и небо у тебя не только над головой, но и под ногами. В безветрие со дна видно было солнце, оно казалось пурпурным цветком, из чаши которого льется свет.

У каждой принцессы было в саду свое местечко, здесь они могли копать и сажать что угодно. Одна устроила себе цветочную грядку в виде кита, другой вздумалось, чтобы ее грядку гляделась русалкой, а самая младшая сделала себе грядку, круглую как солнце, и цветы на ней сажала такие же алые, как оно само. Странное дитя была эта русалочка, тихое, задумчивое. Другие сестры украшали себя разными разностями, которые находили на потонувших кораблях, а она только и любила, что цветы ярко-красные, как солнце там, наверху, да еще красивую мраморную статую. Это был прекрасный мальчик, высеченный из чистого белого камня и спустившийся на дно морское после кораблекрушения. Возле статуи русалочка посадила розовую плакучую иву, она пышно разрослась и свешивала свои ветви над статуей к голубому песчаному дну, где получалась фиолетовая тень, зыблущаяся в лад колыханию ветвей, и от этого казалось,

будто верхушка и корни ластятся друг к другу.

Больше всего русалочка любила слушать рассказы о мире людей там, наверху. Старой бабушке пришлось рассказать ей все, что она знала о кораблях и городах, о людях и животных. Особенно чудесным и удивительным казалось русалочке то, что цветы на земле пахнут, – не то что здесь, на морском дне, – леса там зеленые, а рыбы среди ветвей поют так громко и красиво, что просто заслушаешься. Рыбами бабушка называла птиц, иначе внучки не поняли бы ее: они ведь сроду не видывали птиц.

– Когда вам исполнится пятнадцать лет, – говорила бабушка, – вам позволят всплывать на поверхность, сидеть в лунном свете на скалах и смотреть на плывущие мимо огромные корабли, на леса и города!

В этот год старшей принцессе как раз исполнялось пятнадцать лет, но сестры были погодки, и вышло так, что только через пять лет самая младшая сможет подняться со дна морского и увидеть, как живется нам здесь, наверху. Но каждая обещала рассказать остальным, что она увидела и что ей больше всего понравилось в первый день, – рассказов бабушки им было мало, хотелось знать побольше.

Ни одну из сестер не тянуло так на поверхность, как самую младшую, тихую, задумчивую русалочку, которой приходилось ждать дольше всех. Ночь за ночью проводила она у открытого окна и все смотрела наверх сквозь темно-синюю воду, в которой плескали хвостами и плавниками рыбы. Месяц и звезды виделись ей, и хоть светили они совсем бледно, зато казались сквозь воду много больше, чем нам. А если под ними скользило как бы темное облако, знала она, что это либо кит проплывает, либо корабль, а на нем много людей, и, уж конечно, им и в мысль не приходило, что внизу под ними хорошенькая русалочка тянется к кораблю своими белыми руками.

И вот старшей принцессе исполнилось пятнадцать лет, и ей позволили всплыть на поверхность.

Сколько было рассказов, когда она вернулась назад! Ну, а лучше всего, рассказывала она, было лежать в лунном свете на отмели, когда море спокойно, и рассматривать большой город на берегу: точно сотни звезд, там мерцали огни, слышалась музыка, шум и гул экипажей и людей, виднелись колокольни и шпили, звонили колокола. И как раз потому, что туда ей было нельзя, туда и тянуло ее больше всего.

Как жадно внимала ее рассказам самая младшая сестра! А потом, вечером, стояла у открытого окна и смотрела наверх сквозь темно-синюю воду и думала о большом городе, шумном и оживленном, и ей казалось даже, что она слышит звон колоколов.

Через год и второй сестре позволили подняться на поверхность и плыть куда угодно. Она вынырнула из воды как раз в ту минуту, когда солнце садилось, и решила, что прекраснее зрелища нет на свете. Небо было сплошь золотое, сказала она, а облака – ах, у нее просто нет слов описать, как они красивы! Красные и фиолетовые, плыли они по небу, но еще быстрее неслась к солнцу, точно длинная белая вуаль, стая диких лебедей. Она тоже поплыла к солнцу, но оно погрузилось в воду, и розовый отсвет на море и облаках погас.

Еще через год поднялась на поверхность третья сестра. Эта была смелее всех и проплыла в широкую реку, которая впадала в море. Она увидела там зеленые холмы с виноградниками, а из чащи чудесного леса выглядывали дворцы и усадьбы. Она слышала, как поют птицы, а солнце пригревало так сильно, что ей не раз приходилось нырять в воду, чтобы остудить свое пылающее лицо. В бухте ей попалась целая стая маленьких человеческих детей, они бегали нагишом и плескались в воде. Ей захотелось поиграть с ними, но они испугались ее и убежали, а вместо них явился какой-то черный зверек – это была собака, только ведь ей еще ни разу не доводилось видеть собаку – и залаял на нее так страшно, что она перепугалась и уплыла назад в море. Но никогда не забыть ей чудесного леса, зеленых холмов и прелестных детей, которые умеют плавать, хоть и нет у них рыбьего хвоста.

Четвертая сестра не была такой смелой, она держалась в открытом море и считала, что там-то и было лучше всего: море видно вокруг на много-много миль, небо над головой как огромный стеклянный купол. Видела она и корабли, только совсем издалека, и выглядели они совсем как чайки, а еще в море кувыркались резвые дельфины и киты пускали из ноздрей воду, так что казалось, будто вокруг били сотни фонтанов.

Дошла очередь и до пятой сестры. Ее день рождения был зимой, и поэтому она увидела то, чего не удалось увидеть другим. Море было совсем зеленое, рассказывала она, повсюду плавали огромные ледяные горы, каждая ни дать ни взять жемчужина, только куда выше любой колокольни, построенной людьми. Они были самого причудливого вида и сверкали, словно алмазы. Она уселась на самую большую из них, ветер развеивал ее длинные волосы, и моряки испуганно обходили это место подальше. К вечеру небо заволжлось тучами, засверкали молнии, загредел гром, почерневшее море вздымало ввысь огромные ледяные глыбы, озаряемые вспышками молний. На кораблях убрали паруса, вокруг был страх и ужас, а она как ни в чем не бывало плыла на своей ледяной горе и смотрела, как молнии синими зигзагами ударяют в море.

Так вот и шло: выплывет какая-нибудь из сестер первый раз на поверхность, восхищается всем новым и красивым, ну а потом, когда взрослой девушкой может подниматься вверх в любую минуту, все становится ей неинтересно и она стремится домой и уже месяц спустя говорит, что у них внизу лучше всего, только здесь и чувствуешь себя дома.

Часто по вечерам, обнявшись, всплывали пять сестер на поверхность. У всех были дивные голоса, как ни у кого из людей, и когда собиралась буря, грозившая гибелью кораблям, они плыли перед кораблями и пели так сладко, о том, как хорошо на морском дне, уговаривали моряков без боязни спуститься вниз. Только моряки не могли разобрать слов, им казалось, что это просто шумит буря, да и не довелось бы им увидеть на дне никаких чудес – когда корабль тонул, люди захлебывались и

попадали во дворец морского царя уже мертвыми.

Младшая же русалочка, когда сестры ее всплывали вот так на поверхность, оставалась одна-одинешенька и смотрела им вслед, и ей впору было заплакать, да только русалкам не дано слез, и от этого ей было еще горше.

– Ах, когда же мне будет пятнадцать лет! – говорила она. – Я знаю, что очень люблю и тот мир, и людей, которые там живут!

Наконец и ей исполнилось пятнадцать лет.

– Ну вот, вырастили и тебя! – сказала бабушка, вдовствующая королева.

– Поди-ка сюда, я украшу тебя, как остальных сестер!

И она надела русалочке на голову венок из белых лилий, только каждый лепесток был половинкой жемчужины, а потом нацепила ей на хвост восемь устриц в знак ее высокого сана.

– Да это больно! – сказала русалочка.

– Чтоб быть красивой, можно и потерпеть! – сказала бабушка.

Ах, как охотно скинула бы русалочка все это великолепие и тяжелый венок! Красные цветы с ее грядки пошли бы ей куда больше, но ничего не поделаешь.

– Прощайте! – сказала она и легко и плавно, словно пузырек воздуха, поднялась на поверхность.

Когда она подняла голову над водой, солнце только что село, но облака еще отсвечивали розовым и золотым, а в бледно-красном небе уже зажглись ясные вечерние звезды; воздух был мягкий и свежий, море спокойно. Неподалеку стоял трехмачтовый корабль всего лишь с одним поднятым парусом – не было ни малейшего ветерка. Повсюду на снастях и реях сидели матросы. С палубы раздавалась музыка и пение, а когда совсем стемнело, корабль осветился сотнями разноцветных фонариков и в воздухе словно бы

замелькали флаги всех наций. Русалочка подплыла прямо к окну каюты, и всякий раз, как ее приподымало волной, она могла заглянуть внутрь сквозь прозрачные стекла. Там было множество нарядно одетых людей, но красивее всех был молодой принц с большими черными глазами. Ему, наверное, было не больше шестнадцати лет. Праздновался его день рождения, оттого-то на корабле и шло такое веселье. Матросы плясали на палубе, а когда вышел туда молодой принц, в небо взмыли сотни ракет, и стало светло, как днем, так что русалочка совсем перепугалась и нырнула в воду, но тут же опять высунула голову, и было так, будто все звезды с неба падают к ней в море. Никогда еще не видала она такого фейерверка. Вертелись колесом огромные солнца, взлетали в синюю высь чудесные огненные рыбы, и все это отражалось в тихой, ясной воде. На самом корабле было так светло, что можно было различить каждый канат, а людей и подавно. Ах, как хорош был молодой принц! Он пожимал всем руки, улыбался и смеялся, а музыка все гремела и гремела в чудной ночи.

Уже поздно было, а русалочка все не могла глаз оторвать от корабля и от прекрасного принца. Погасли разноцветные фонарики, не взлетали больше ракеты, не гремели пушки, зато загудело и заворчало в глубинах морской. Русалочка качалась на волнах и все заглядывала в каюту, а корабль стал набирать ход, один за другим распускались паруса, все выше вздымались волны, собирались тучи, вдали засверкали молнии.

Надвигалась буря, матросы принялись убирать паруса. Корабль, раскачиваясь, летел по разбушевавшемуся морю, волны вздымались огромными черными горами, норовя перекатиться через мачту, а корабль нырял, словно лебедь, между высоченными валами и вновь возносился на гребень громоздящейся волны. Русалочке все это казалось приятной прогулкой, но не матросам. Корабль стонал и трещал; вот подалась под ударами волн толстая обшивка бортов, волны захлестнули корабль, переломилась пополам, как тростинка, мачта, корабль лег набок, и вода хлынула в трюм. Тут уж русалочка поняла, какая опасность угрожает людям, – ей

и самой приходилось увертываться от бревен и обломков, носившихся по волнам. На минуту стало темно, хоть глаз выколи, но вот блеснула молния, и русалочка опять увидела людей на корабле. Каждый спасался, как мог. Она искала глазами принца и увидела, как он упал в воду, когда корабль развалился на части. Сперва она очень обрадовалась – ведь он попадет теперь к ней на дно, но тут, же вспомнила, что люди не могут жить в воде и он приплывет во дворец ее отца только мертвый. Нет, нет, он не должен умереть! И она поплыла между бревнами и досками, совсем не думая о том, что они могут ее раздавить. Она -то ныряла глубоко, то взлетала на волну и наконец доплыла до юного принца. Он почти уже совсем выбился из сил и плыть по бурному морю не мог. Руки и ноги отказывались ему служить, прекрасные глаза закрылись, и он умер бы, не явись ему на помощь русалочка. Она приподняла над водой его голову и предоставила волнам нести их обоих куда угодно...

К утру буря стихла. От корабля не осталось и щепки. Опять засверкало над водой солнце и как будто вернуло краски щекам принца, но глаза его все еще были закрыты.

Русалочка откинула со лба принца волосы, поцеловала его в высокий красивый лоб, и ей показалось, что он похож на мраморного мальчика, который стоит у нее в саду. Она поцеловала его еще раз и пожелала, чтобы он остался жив.

Наконец она увидела сушу, высокие синие горы, на вершинах которых, точно стаи лебедей, белели снега. У самого берега зеленели чудесные леса, а перед ними стояла не то церковь, не то монастырь, – она не могла сказать точно, знала только, что это было здание. В саду росли апельсиновые и лимонные деревья, а у самых ворот высокие пальмы. Море вдавалось здесь в берег небольшим заливом, тихим, но очень глубоким, с утесом, у которого море намыло мелкий белый песок. Сюда-то и приплыла русалочка с принцем и положила его на песок, так, чтобы голова его была повыше на солнце.

Тут в высоком белом здании зазвонили колокола, и в сад

высыпала целая толпа молодых девушек. Русалочка отплыла подальше за высокие камни, торчавшие из воды, покрыла свои волосы и грудь морской пеной, так что теперь никто не различил бы ее лица, и стала ждать, не придет ли кто на помощь бедному принцу.

Вскоре к утесу подошла молодая девушка и поначалу очень испугалась, но тут же собралась с духом и позвала других людей, и русалочка увидела, что принц ожил и улыбнулся всем, кто был возле него. А ей он не улыбнулся, он даже не знал, что она спасла ему жизнь. Грустно стало русалочке, и, когда принца увели в большое здание, она печально нырнула в воду и уплыла домой.

Теперь она стала еще тише, еще задумчивее, чем прежде. Сестры спрашивали ее, что она видела в первый раз на поверхности моря, но она ничего им не рассказала.

Часто по утрам и вечерам приплывала она к тому месту, где оставила принца. Она видела, как созревали в саду плоды, как их потом собирали, видела, как стоял снег на высоких горах, но принца так больше и не видела и возвращалась домой каждый раз все печальнее. Единственной отрадой было для нее сидеть в своем садике, обвив руками красивую мраморную статую, похожую на принца, но за своими цветами она больше не ухаживала. Они одичали и разрослись по дорожкам, переплелись стеблями и листьями с ветвями деревьев, и в садике стало совсем темно.

Наконец она не выдержала и рассказала обо всем одной из сестер. За ней узнали и остальные сестры, но больше никто, разве что еще две-три русалки да их самые близкие подруги. Одна из них тоже знала о принце, видела празднество на корабле и даже знала, откуда принц родом и где его королевство.

– Поплыли вместе, сестрица! – сказали русалочке сестры и, обнявшись, поднялись на поверхность моря близ того места, где стоял дворец принца.

Дворец был из светло-желтого блестящего камня, с большими

мраморными лестницами; одна из них спускалась прямо к морю. Великолепные позолоченные купола высились над крышей, а между колоннами, окружавшими здание, стояли мраморные статуи, совсем как живые люди. Сквозь высокие зеркальные окна виднелись роскошные покои; всюду висели дорогие шелковые занавеси, были разостланы ковры, а стены украшены большими картинами. Загляденье, да и только! Посреди самой большой залы журчал большой фонтан; струи воды били высоко-высоко под стеклянный купол потолка, через который воду и диковинные растения, росшие по краям бассейна, озаряло солнце.

Теперь русалочка знала, где живет принц, и стала приплывать ко дворцу почти каждый вечер или каждую ночь. Ни одна из сестер не осмеливалась подплывать к земле так близко, ну а она заплывала даже в узкий канал, который проходил как раз под мраморным балконом, бросавшим на воду длинную тень. Тут она останавливалась и подолгу смотрела на юного принца, а он-то думал, что гуляет при свете месяца один-одинешенек.

Много раз видела она, как он катался с музыкантами на своей нарядной лодке, украшенной развевающимися флагами. Русалочка выглядывала из зеленого тростника, и если люди иногда замечали, как полощется по ветру ее длинная серебристо-белая вуаль, им казалось, что это плещет крыльями лебедь.

Много раз слышала она, как говорили о принце рыбаки, ловившие по ночам с факелом рыбу; они рассказывали о нем много хорошего, и русалочка радовалась, что спасла ему жизнь, когда его, полумертвого, носило по волнам; она вспоминала, как его голова покоилась на ее груди и как нежно поцеловала она его тогда. А он-то ничего не знал о ней, она ему и присниться не могла!

Все больше и больше начинала русалочка любить людей, все сильнее тянуло ее к ним. Их земной мир казался ей куда больше, чем ее подводный; они могли ведь переплывать на своих кораблях море, взбираться на высокие горы выше облаков, а их страны с лесами и полями раскинулись так широко, что и глазом не

охватишь! Очень хотелось русалочке побольше узнать о людях, об их жизни, но сестры не могли ответить на все ее вопросы, и она обращалась к бабушке: старуха хорошо знала «высший свет», как она справедливо называла землю, лежавшую над морем.

– Если люди не тонут, – спрашивала русалочка, – тогда они живут вечно, не умирают, как мы?

– Ну что ты! – отвечала старуха. – Они тоже умирают, их век даже короче нашего. Мы живем триста лет; только когда мы перестаем быть, нас не хоронят, у нас даже нет могил, мы просто превращаемся в морскую пену.

– Я бы отдала все свои сотни лет за один день человеческой жизни, – проговорила русалочка.

– Вздор! Нечего и думать об этом! – сказала старуха. – Нам тут живется куда лучше, чем людям на земле!

– Значит, и я умру, стану морской пеной, не буду больше слышать музыку волн, не увижу ни чудесных цветов, ни красного солнца! Неужели я никак не могу пожить среди людей?

– Можешь, – сказала бабушка, – пусть только кто-нибудь из людей полюбит тебя так, что ты станешь ему дороже отца и матери, пусть отдастся он тебе всем своим сердцем и всеми помыслами, сделает тебя своей женой и поклянется в вечной верности. Но этому не бывать никогда! Ведь то, что у нас считается красивым – твой рыбий хвост, например, – люди находят безобразным. Они ничего не смыслят в красоте; по их мнению, чтобы быть красивым, надо непременно иметь две неуклюжие подпорки, или ноги, как они их называют.

Русалочка глубоко вздохнула и печально посмотрела на свой рыбий хвост.

– Будем жить – не тужить! – сказала старуха. – Повеселимся вволю, триста лет – срок немалый. Сегодня вечером у нас во дворце бал!

Вот было великолепие, какого не увидишь на земле! Стены и потолок танцевальной залы были из толстого, но прозрачного стекла; вдоль стен рядами лежали сотни огромных пурпурных и травянисто-зеленых раковин с голубыми огоньками в середине; огни эти ярко освещали всю залу, а через стеклянные стены – и море вокруг. Видно было, как к стенам подплывают стаи больших и маленьких рыб, и чешуя их переливается золотом, серебром, пурпуром.

Посреди залы вода бежала широким потоком, и в нем танцевали под свое чудное пение водяные и русалки. Таких прекрасных голосов не бывает у людей. Русалочка пела лучше всех, и все хлопали ей в ладоши. На минуту ей было сделалось весело при мысли о том, что ни у кого и нигде, ни в море, ни на земле, нет такого чудесного голоса, как у нее; но потом она опять стала думать о надводном мире, о прекрасном принце, и ей стало грустно. Незаметно выскользнула она из дворца, и, пока там пели и веселились, печально сидела в своем садике. Вдруг сверху донеслись звуки валторн, и она подумала: «Вот он опять катается на лодке! Как я люблю его! Больше, чем отца и мать! Я принадлежу ему всем сердцем, всеми своими помыслами, ему я бы охотно вручила счастье всей моей жизни! На все бы я пошла – только бы мне быть с ним. Пока сестры танцуют в отцовском дворце, поплыву-ка я к морской ведьме. Я всегда боялась ее, но, может быть, она что-нибудь посоветует или как-нибудь поможет мне!»

И русалочка поплыла из своего садика к бурным водоворотам, за которыми жила ведьма. Еще ни разу не доводилось ей проплывать этой дорогой; тут не росли ни цветы, ни даже трава – кругом был только голый серый песок; вода за ним бурлила и шумела, как под мельничным колесом, и увлекала за собой в пучину все, что только встречала на своем пути. Как раз между такими бурлящими водоворотами и пришлось плыть русалочке, чтобы попасть в тот край, где владычила ведьма. Дальше путь лежал через горячий пузырящийся ил, это место ведьма называла своим торфяным болотом. А там уж было рукой подать до ее жилья,

окруженного диковинным лесом: вместо деревьев и кустов в нем росли полипы – полу животные и полу растения, похожие на стоглавых змей, выроставших прямо из песка; ветви их были подобны длинным осклизлым рукам с пальцами, извивающимися, как черви; полипы ни на минуту не переставали шевелиться от корня до самой верхушки и хватали гибкими пальцами все, что только им попадалось, и уж больше не выпускали. Русалочка в испуге остановилась, сердечко ее забилося от страха, она готова была вернуться, но вспомнила о принце и собралась с духом: крепко обвязала вокруг головы свои длинные волосы, чтобы в них не вцепились полипы, скрестила на груди руки и, как рыба, поплыла между омерзительными полипами, которые тянулись к ней своими извивающимися руками. Она видела, как крепко, точно железными клещами, держали они своими пальцами все, что удалось им схватить: белые скелеты утонувших людей, корабельные рули, ящики, кости животных, даже одну русалочку. Полипы поймали и задушили ее. Это было страшнее всего!

Но вот она очутилась на скользкой лесной поляне, где кувыркались, показывая противное желтоватое брюхо, большие, жирные водяные ужи. Посреди поляны был выстроен дом из белых человеческих костей; тут же сидела сама морская ведьма и кормила изо рта жабу, как люди кормят сахаром маленьких канареек. Омерзительных ужей она звала своими цыплятками и позволяла им ползать по своей большой, ноздреватой, как губка, груди.

– Знаю, знаю, зачем ты пришла! – сказала русалочке морская ведьма. – Глупости ты затеваешь, ну да я все-таки помогу тебе – на твою же беду, моя красавица! Ты хочешь отделаться от своего хвоста и получить вместо него две подпорки, чтобы ходить, как люди. Хочешь, чтобы юный принц полюбил тебя.

И ведьма захохотала так громко и гадко, что и жаба и ужи попадали с нее и шлепнулись на песок.

– Ну ладно, ты пришла в самое время! – продолжала ведьма. – Приди ты завтра поутру, было бы поздно, и я не могла бы помочь

тебе раньше будущего года. Я изготовлю тебе питье, ты возьмешь его, поплывешь с ним к берегу еще до восхода солнца, сядешь там и выпьешь все до капли; тогда твой хвост раздвоится и превратится в пару стройных, как сказали бы люди, ножек. Но тебе будет так больно, как будто тебя пронзят острым мечом. Зато все, кто тебя увидит, скажут, что такой прелестной девушки они еще не встречали! Ты сохранишь свою плавную походку – ни одна танцовщица не сравнится с тобой; но помни: ты будешь ступать как по острым ножам, и твои ноги будут кровоточить. Вытерпишь все это? Тогда я помогу тебе.

– Да! – сказала русалочка дрожащим голосом, подумав о принце.

– Помни, – сказала ведьма, – раз ты примешь человеческий облик, тебе уж не сделаться вновь русалкой! Не видать тебе ни морского дна, ни отцовского дома, ни сестер! А если принц не полюбит тебя так, что забудет ради тебя и отца и мать, не отдастся тебе всем сердцем и не сделает тебя своей женой, ты погибнешь. С первой же зарей, после его женитьбы на другой, твое сердце разорвется на части. И ты станешь пеной морской.

– Пусть! – сказала русалочка и побледнела как смерть.

– А еще ты должна заплатить мне за помощь, – сказала ведьма. – И я недешево возьму! У тебя чудный голос, им ты и думаешь обворожить принца, но ты должна отдать этот голос мне. Я возьму за свой бесценный напиток самое лучшее, что есть у тебя: ведь я должна примешать к напитку свою собственную кровь, чтобы он стал остер, как лезвие меча.

– Если ты возьмешь мой голос, что же останется мне? – спросила русалочка.

– Твое прелестное лицо, твоя плавная походка и твои говорящие глаза – этого довольно, чтобы покорить человеческое сердце! Ну, полно, не бойся: высунешь язычок, и я отрежу его в уплату за волшебный напиток!

– Хорошо! – сказала русалочка, и ведьма поставила на огонь

котел, чтобы сварить питье.

– Чистота – лучшая красота! – сказала она и обтерла котел связкой живых ужей.

Потом она расцарапала себе грудь; в котел закапала черная кровь, и скоро стали подыматься клубы пара, принимавшие такие причудливые формы, что просто страх брал. Ведьма поминутно подбавляла в котел новых и новых снадобий, и когда питье закипело, оно забулькало так, будто плакал крокодил. Наконец напиток был готов, на вид он казался прозрачайшей ключевой водой.

– Бери! – сказала ведьма, отдавая русалочке напиток.

Потом отрезала ей язык, и русалочка стала немая – не могла больше ни петь, ни говорить.

– Схватят тебя полипы, когда поплывешь назад, – напутствовала ведьма,

– брызни на них каплю питья, и их руки и пальцы разлетятся на тысячу кусочков.

Но русалочке не пришлось этого делать – полипы с ужасом отворачивались при одном виде напитка, сверкавшего в ее руках, как яркая звезда. Быстро проплыла она лес, миновала болото и бурлящие водовороты.

Вот и отцовский дворец; огни в танцевальной зале потушены, все спят. Русалочка не посмела больше войти туда – ведь она была немая и собиралась покинуть отцовский дом навсегда. Сердце ее готово было разорваться от тоски. Она проскользнула в сад, взяла по цветку с грядки у каждой сестры, послала родным тысячи воздушных поцелуев и поднялась на темно-голубую поверхность моря.

Солнце еще не вставало, когда она увидела перед собой дворец принца и присела на широкую мраморную лестницу. Месяц озарял ее своим чудесным голубым сиянием. Русалочка выпила обжигающий

напиток, и ей показалось, будто ее пронзили обоюдоострым мечом; она потеряла сознание и упала замертво. Когда она очнулась, над морем уже сияло солнце: во всем теле она чувствовала жгучую боль. Перед ней стоял прекрасный принц и с удивлением рассматривал ее. Она потупилась и увидела, что рыбий хвост исчез, а вместо него у нее появились две маленькие беленькие ножки. Но она была совсем нагая и потому закуталась в свои длинные, густые волосы. Принц спросил, кто она и как сюда попала, но она только кротко и грустно смотрела на него своими темно синими глазами: говорить ведь она не могла. Тогда он взял ее за руку и повел во дворец. Правду сказала ведьма: каждый шаг причинял русалочке такую боль, будто она ступала по острым ножам и иголкам; но она терпеливо переносила боль и шла об руку с принцем легко, точно по воздуху. Принц и его свита только дивились ее чудной, плавной походке.

Русалочку нарядили в шелк и муслин, и она стала первой красавицей при дворе, но оставалась по-прежнему немой, не могла, ни петь, ни говорить. Как-то раз к принцу и его царственным родителям позвали девушек-рабынь, разодетых в шелк и золото. Они стали петь, одна из них пела особенно хорошо, и принц хлопал в ладоши и улыбался ей. Грустно стало русалочке: когда-то и она могла петь, и несравненно лучше! «Ах, если бы он знал, что я навсегда рассталась со своим голосом, только чтобы быть возле него!»

Потом девушки стали танцевать под звуки чудеснейшей музыки, тут и русалочка подняла свои белые прекрасные руки, встала на цыпочки и понеслась в легком, воздушном танце; так не танцевал еще никто! Каждое движение подчеркивало ее красоту, а глаза ее говорили сердцу больше, чем пение рабынь.

Все были в восхищении, особенно принц; он назвал русалочку своим маленьким найденышем, а русалочка все танцевала и танцевала, хотя каждый раз, как ноги ее касались земли, ей было так больно, будто она ступала по острым ножам. Принц сказал, что она всегда должна быть возле него, и ей было позволено спать на бархатной подушке перед дверями его

комнаты.

Он велел сшить ей мужской костюм, чтобы она могла сопровождать его на прогулках верхом. Они ездили по благоухающим лесам, где в свежей листве пели птицы, а зеленые ветви касались ее плеч. Они взбирались на высокие горы, и хотя из ее ног сочилась кровь, и все видели это, она смеялась и продолжала следовать за принцем на самые вершины; там они любовались на облака, плывшие у их ног, точно стаи птиц, улетающих в чужие страны.

А ночью во дворце у принца, когда все спали, русалочка спускалась по мраморной лестнице, ставила пылающие, как в огне, ноги в холодную воду и думала о родном доме и о дне морском.

Раз ночью всплыли из воды рука об руку ее сестры и запели печальную песню. Русалочка кивнула им. Они узнали ее и рассказали ей, как огорчила она их всех. С тех пор они навещали ее каждую ночь, а один раз она увидела вдали даже свою старую бабушку, которая уже много лет не подымалась из воды, и самого царя морского с короной на голове; они простирали к ней руки, но не смели подплыть к земле так близко, как сестры.

День ото дня принц привязывался к русалочке все сильнее и сильнее, но он любил ее только как милое, доброе дитя, сделать же ее своей женой и принцессой ему и в голову не приходило, а между тем ей надо было стать его женой, иначе, если бы он отдал свое сердце и руку другой, она стала бы пеной морской.

«Любишь ли ты меня больше всех на свете?» – казалось, спрашивали глаза русалочки, когда принц обнимал ее и целовал в лоб.

– Да, я люблю тебя! – говорил принц. – У тебя доброе сердце, ты предана мне больше всех и похожа на молодую девушку, которую я видел однажды и, верно, больше уж не увижу! Я плыл на корабле, корабль затонул, волны выбросили меня на берег вблизи какого-то храма, где служат богу молодые девушки; самая

младшая из них нашла меня на берегу и спасла мне жизнь; я видел ее всего два раза, но только ее одну в целом мире мог бы я полюбить! Ты похожа на нее и почти вытеснила из моего сердца ее образ. Она принадлежит святому храму, и вот моя счастливая звезда послала мне тебя; никогда я не расстанусь с тобой!

«Увы! Он не знает, что это я спасла ему жизнь! – думала русалочка. – Я вынесла его из волн морских на берег и положила в роще, возле храма, а сама спряталась в морской пене и смотрела, не придет ли кто-нибудь к нему на помощь. Я видела эту красивую девушку, которую он любит больше, чем меня! – И русалочка глубоко вздыхала, плакать она не могла. – Но та девушка принадлежит храму, никогда не вернется в мир, и они никогда не встретятся! Я же нахожусь возле него, вижу его каждый день, могу ухаживать за ним, любить его, отдать за него жизнь!»

Но вот стали поговаривать, что принц женится на прелестной дочери соседнего короля и потому снаряжает свой великолепный корабль в плавание. Принц поедет к соседнему королю как будто для того, чтобы ознакомиться с его страной, а на самом-то деле, чтобы увидеть принцессу; с ним едет большая свита. Русалочка на все эти речи только покачивала головой и смеялась – она ведь лучше всех знала мысли принца.

– Я должен ехать! – говорил он ей. – Мне надо посмотреть прекрасную принцессу; этого требуют мои родители, но они не станут принуждать меня жениться на ней, а я никогда не люблю ее! Она ведь не похожа на ту красавицу, на которую похожа ты. Если уж мне придется, наконец, избрать себе невесту, так я лучше выберу тебя, мой немой найденыш с говорящими глазами!

И он целовал ее в розовые губы, играл ее длинными волосами и клал свою голову на ее грудь, где билось сердце, жаждавшее человеческого счастья и любви.

– Ты ведь не боишься моря, моя немая крошка? – говорил он, когда они уже стояли на корабле, который должен был отвезти их

в страну соседнего короля.

И принц стал рассказывать ей о бурях и о штиле, о диковинных рыбах, что живут в пучине, и о том, что видели там ныряльщики, а она только улыбалась, слушая его рассказы, – она-то лучше всех знала, что есть на дне морском.

В ясную лунную ночь, когда все, кроме рулевого, спали, она села у самого борта и стала смотреть в прозрачные волны, и ей показалось, что она видит отцовский дворец; старая бабушка в серебряной короне стояла на вышке и смотрела сквозь волнующиеся струи воды на киль корабля. Затем на поверхность моря всплыли ее сестры: они печально смотрели на нее и протягивали к ней свои белые руки. Она кивнула им головой, улыбнулась и хотела рассказать о том, как ей хорошо здесь, но тут к ней подошел корабельный юнга, и сестры нырнули в воду, а юнга подумал, что это мелькнула в волнах белая морская пена.

Наутро корабль вошел в гавань нарядной столицы соседнего королевства. В городе зазвонили в колокола, с высоких башен раздались звуки рогов; на площадях стояли полки солдат с блестящими штыками и развевающимися знаменами. Начались празднества, балы следовали за балами, но принцессы еще не было – она воспитывалась где-то далеко в монастыре, куда ее отдали учиться всем королевским добродетелям. Наконец прибыла и она.

Русалочка жадно смотрела на нее и не могла не признать, что лица милее и прекраснее она еще не видала. Кожа на лице принцессы была такая нежная, прозрачная, а из-за длинных темных ресниц улыбались синие кроткие глаза.

– Это ты! – сказал принц. – Ты спасла мне жизнь, когда я полумертвый лежал на берегу моря!

И он крепко прижал к сердцу свою зардевшуюся невесту.

– Ах, я так счастлив! – сказал он русалочке. – То, о чем я не смел и мечтать, сбылось! Ты порадуешься моему счастью, ты ведь

так любишь меня.

Русалочка поцеловала ему руку, а сердце ее, казалось, вот-вот разорвется от боли: его свадьба должна ведь убить ее, превратить в пену морскую.

В тот же вечер принц с молодой женой должны были отплыть на родину принца; пушки палили, флаги развевались, на палубе был раскинут шатер из золота и пурпура, устланный мягкими подушками; в шатре они должны были провести эту тихую, прохладную ночь.

Паруса надулись от ветра, корабль легко и плавно заскользил по волнам и понесся в открытое море.

Как только смерклось, на корабле зажглись разноцветные фонарики, а матросы стали весело плясать на палубе. Русалочка вспомнила, как она впервые поднялась на поверхность моря и увидела такое же веселье на корабле. И вот она понеслась в быстром воздушном танце, точно ласточка, преследуемая коршуном. Все были в восторге: никогда еще не танцевала она так чудесно! Ее нежные ножки резало как ножами, но этой боли она не чувствовала – сердцу ее было еще больнее. Она знала, что один лишь вечер осталось ей пробыть с тем, ради кого она оставила родных и отцовский дом, отдала свой чудный голос и терпела невыносимые мучения, о которых принц и не догадывался. Лишь одну ночь оставалось ей дышать одним воздухом с ним, видеть синее море и звездное небо, а там наступит для нее вечная ночь, без мыслей, без сновидений. Далеко за полночь продолжались на корабле танцы и музыка, и русалочка смеялась и танцевала со смертельной мукой на сердце; принц же целовал красавицу жену, а она играла его черными кудрями; наконец рука об руку они удалились в свой великолепный шатер.

На корабле все стихло, только рулевой остался у руля. Русалочка оперлась о поручни и, повернувшись лицом к востоку, стала ждать первого луча солнца, который, она знала, должен был убить ее. И вдруг она увидела, как из моря поднялись ее

сестры; они были бледны, как и она, но их длинные роскошные волосы не развевались больше по ветру – они были обрезаны.

– Мы отдали наши волосы ведьме, чтобы она помогла нам избавить тебя от смерти! А она дала нам вот этот нож – видишь, какой он острый? Прежде чем взойдет солнце, ты должна вонзить его в сердце принца, и когда теплая кровь его брызнет тебе на ноги, они опять срастутся в рыбий хвост, и ты опять станешь русалкой, спустишься к нам в море и проживешь свои триста лет, прежде чем превратишься в соленую пену морскую. Но спеши! Или он, или ты – один из вас должен умереть до восхода солнца. Убей принца и вернись к нам! Поспеси. Видишь, на небе показалась красная полоска? Скоро взойдет солнце, и ты умрешь!

С этими словами они глубоко вздохнули и погрузились в море.

Русалочка приподняла пурпуровую занавесь шатра и увидела, что головка молодой жены покоится на груди принца. Русалочка наклонилась и поцеловала его в прекрасный лоб, посмотрела на небо, где разгоралась утренняя заря, потом посмотрела на острый нож и опять устремила взор на принца, который во сне произнес имя своей жены – она одна была у него в мыслях!

– и нож дрогнул в руках у русалочки. Еще минута – и она бросила его в волны, и они покраснели, как будто в том месте, где он упал, из моря выступили капли крови.

В последний раз взглянула она на принца полу угасшим взором, бросилась с корабля в море и почувствовала, как тело ее расплывается пеной.

Над морем поднялось солнце; лучи его любовно согревали мертвенно-холодную морскую пену, и русалочка не чувствовала смерти; она видела ясное солнце и какие-то прозрачные, чудные создания, сотнями реявшие над ней. Она видела сквозь них белые паруса корабля и красные облака в небе; голос их звучал как музыка, но такая возвышенная, что человеческое ухо не слышало бы ее, так же как человеческие глаза не видели их самих. У них не было крыльев, но они носились в воздухе,

легкие и прозрачные. Русалочка заметила, что и она стала такой же, оторвавшись от морской пены.

– К кому я иду? – спросила она, поднимаясь в воздухе, и ее голос звучал такую же дивную музыкой.

– К дочерям воздуха! – ответили ей воздушные создания. Мы летаем повсюду и всем стараемся приносить радость. В жарких странах, где люди гибнут от знойного, зачумленного воздуха, мы навеваем прохладу. Мы распространяем в воздухе благоухание цветов и несем людям исцеление и отраду... Летим с нами в заоблачный мир! Там ты обретешь любовь и счастье, каких не нашла на земле.

И русалочка протянула свои прозрачные руки к солнцу и в первый раз почувствовала у себя на глазах слезы.

На корабле за это время все опять пришло в движение, и русалочка увидела, как принц с молодой женой ищут ее. Печально смотрели они на волнующую морскую пену, точно знали, что русалочка бросилась в волны. Невидимая, поцеловала русалочка красавицу в лоб, улыбнулась принцу и вознеслась вместе с другими детьми воздуха к розовым облакам, плававшим в небе.

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Талисман

Принц с принцессой праздновали еще свой медовый месяц. Счастливы они были чрезвычайно, и только одна мысль не давала им покоя: им очень хотелось знать, будут ли они так же счастливы всю свою жизнь. Поэтому и стали они мечтать о талисмане, который оградил бы их от всяческих огорчений в супружестве. А были они наслышаны об одном человеке; жил этот

человек в лесу, и все уважали его за мудрость. В любой беде и во всяком затруднении мог он дать дельный совет. Отправились к этому мудрецу принц с принцессой и рассказали ему обо всем что у них было на душе. Выслушал их мудрец и сказал:

– Ступайте странствовать по белу свету, и как встретятся вам счастливые и всем довольные муж с женой, попросите у них лоскуток исподнего, а как раздобудете такой лоскуток, носите его всегда как талисман. Это средство испытанное.

Сели принц с принцессой на коней и отправились в путь; вскоре услышали они от людей об одном знатном рыцаре, который будто бы жил со своей женой счастливее всех других. Поехали они к нему в замок и стали сами супругов расспрашивать, правда ли они так довольны своей жизнью, как говорит про то молва.

– Все правда, – ответили те, – одно только горе: детей у нас нет!

Стало быть, здесь искать талисман было нечего, пришлось принцу с принцессой отправиться дальше на поиски счастливых и всем довольных супругов.

И вот приехали они в город, где, по слухам, был один честный горожанин, который жил со своей женой в мире, любви да согласии. К нему-то они и пошли и точно так же спросили, правда ли он так счастлив в браке, как о том рассказывают.

– Да, уж что правда, то правда! – ответил муж. – Живем мы с женой душа в душу, вот только детей у нас многовато, а с ними много у нас и забот и горя!

Стало быть, и у него искать талисман было нечего, и принц с принцессой отправились дальше, расспрашивая повсюду, не слышал ли кто про счастливых и довольных супругов. Но такие все не объявлялись.

Однажды, едучи полями и лугами, увидали они и неподалеку от дороги пастуха, который весело играл на свирели. И видят, что

к пастуху идет женщина с грудным младенцем; другого ребенка, мальчика, она ведет за руку. Как только пастух заметил женщину, он пошел к ней навстречу, поздоровался, взял малютку и стал целовать и ласкать его. А собака пастуха, прыгая и лая от радости, подбежала к мальчику и лизнула ему ручонку. Между тем жена пастуха достала глиняный горшок, который принесла с собой, и сказала:

– Иди-ка, отец, поешь. Муж сел на землю и принялся за еду, но первый кусок он отдал малютке, а второй разделил с мальчиком и собакой. Все это видели и слышали принц с принцессой. Подошли они поближе и заговорили с мужем и женой:

– Уж вы-то, наверное, самые что ни на есть счастливые и довольные супруги?

– Да, уж что правда, то правда, – ответил муж. – Слава Богу. На свете нет ни одного принца с принцессой счастливее нас.

– Знаете что, – сказал тогда принц, – помогите нам, вы об этом не пожалеете! Дайте нам по лоскуточку от рубашки, которую вы носите на теле!

При этих словах пастух с женой как-то чудно переглянулись. А пастух сказал:

– Видит Бог, мы бы рады дать вам не то что по лоскутку, но и целую сорочку, будь она у нас. Но у нас и тряпки-то никакой в доме нет.

Пришлось принцу с принцессой отправиться дальше несолоно хлебавши. Под конец долгие напрасные скитания им наскучили, и они повернули домой. Когда принц с принцессой проезжали мимо хижины мудреца, они упрекнули его за то, что он дал им такой плохой совет, и рассказали про свое путешествие.

Улыбнулся на это мудрец и сказал:

– Неужели вы и вовсе понапрасну съездили? Разве не вернулись вы домой умудренные опытом?

– Да, – ответил принц, – я узнал, что счастье и довольство своей судьбой – редкий дар на этом свете!

– А я, – сказала принцесса, – поняла: чтобы быть счастливым, нужно только одно – *быть счастливым!*

Протянул тут принц принцессе руки, и поглядели они друг на друга с такой нежной любовью! Благословил их мудрец и сказал:

– В вашем собственном сердце отыскали вы истинный талисман! Храните его бережно, и тогда злой дух неудовлетворенности никогда не овладеет вами.